

Кирилл
ТУМАНОВ

РАЗВОД

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Ты провалил!

Кира Туманова

**Развод в 43. Экзамен на
зрелость ты провалил!**

«Литнет»

2026

Туманова К.

Развод в 43. Экзамен на зрелость ты провалил! / К. Туманова —
«Литнет», 2026

Двадцать три года в браке я была менеджером по клинингу, шеф-поваром, психологом и нянькой для одного взрослого, но абсолютно безрукого мужика. Только после измены мужа я решила то, что делала из любви, выполнять за очень хорошую зарплату. Босс, правда, попался с характером ротвейлера, но после бывшего мужа меня уже ничем не напугаешь. Вас ждут: ✓# Неунывающая героиня ✓# Сворачивающий кровь начальник ✓# Муж, у которого «лапки»+ 1 собака - антидепрессант. Книга участвует в литмобе «Ушел к молодой»;

© Туманова К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1. Красная шапочка	5
2. Старая дура	7
3. Профитроли, собака и наглость	8
4. Выходное пособие	10
5. Ведьмы	12
6. Равноправие	15
7. Без вариантов	17
8. Недоразумение	20
9. Мы квиты?	22
10. Шлепок для босса	25
11. Карьера с доставкой на дом	27
12. Воспитательный процесс	30
13. Швабра правосудия	33
14. Трудности адаптации	36
15. Семейка Адамс	38
16. Условия проживания	41
17. Заложник	44
18. Все чего-то бояться	46
19. Гордость и предубеждение	49
20. Пингвины и борщ	52
21. Укрощение строптивой	54
22. Только не это!	56
23. Прислуга	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

1. Красная шапочка

– Простите, я бы хотела с вами поговорить.

Рядом останавливается симпатичная девушка в красном берете и смотрит на меня просительно. Щеки розовые от холода.

– Мне не нужна безлимитная кредитная карта и домашний интернет...

Дергаю Симбу за поводок, поторапливая. Но вредная собака настойчиво обнюхивает заинтересовавшую её веточку куста.

– Нет, вы не поняли. Я не хочу вам ничего предлагать. Скорее наоборот.

Она мило улыбается и смотрит на меня в ожидании.

– Я бы хотела поговорить с вами о вашем муже...

Стыдливый румянец расплзается уже на всю шею.

Я начинаю понимать, что происходит. Ко мне уже не раз и не два подходили юные создания и просили повлиять на сурового Бориса Трофимовича Руднева, прозванного в институте за нахрапистость и принципиальность БТР.

Девушка слегка дрожит от волнения и хлопает длинными ресницами. Мне её даже жалко становится. Она такая перепуганная и милая.

Я знаю, что мой муж – деспот, но если со студентами не строжить, они же на шею сядут. И какие специалисты потом из института выйдут? Двоечники и лоботрясы.

– Мой муж вряд ли меня послушает, – ободряюще улыбаюсь. – Вы просто выучите финализ получше и пересдайте.

– Нет, вы не понимаете, – прижимает руки к груди в молящем жесте.

Вредная Симба, как назло, присаживается делать свои самые крупные собачьи дела прямо под этим деревом и мне становится неудобно перед студенткой моего мужа, будто Симба сейчас порочит его честь и достоинство перед всей кафедрой.

Ну вот не могла подальше отойти?

Поддерживаю Симбу за поводок, но она выгибает спину и кряхтит. Недовольно косится на меня белком глаза.

Собачка у меня старая, но я её нежно люблю. И мне становится стыдно, что я вот так сейчас грубо обращаюсь со старушкой.

– Поверьте, я только хуже сделаю, если буду за вас заступаться. Борис не любит, когда я лезу в его дела.

– Нет, Светлана. Я не по поводу экзамена, – прекрасное создание смущённо отводит глаза. – Дело в том, что... Как вам сказать...

Пока она смущённо мнетя, я нервно дергаю Симбу за поводок. Ну неужели нельзя побыстрее?

Глупая собака, не понимает, что мне неловко в разговоре со студенткой мужа собирать в пакетик собачьи экскременты.

– Мы с вашим мужем любим друг друга.

Симба с грозным и гордым рыком гребёт задними лапами, показывая мне, что справилась на отлично.

И я на автомате надеваю на руку пакет и, щурясь, всматриваюсь в лицо юной студентки.

Я знаю, это сейчас мода такая. Как говорят мои сыновья – «пранковать». Разводить прохожих, типо меня, на вот такие шалости, а потом выкладывать в интернет их перекошенные от ужаса лица и глумиться над этой естественной реакцией.

Эта пранкерша подготовилась. Даже имя моё узнала.

Инстинктивно оборачиваюсь, скольжу взглядом по кустам, но не вижу хихикающих подружек с телефонами.

Но это не значит, что их нет.

Ну уж нет, годного контента вы от меня не дождётесь!

Симпатия к милой девушке тает, как сахар в горячем чае. И смущение перед ней тоже. Ей не стыдно говорить мне такие глупости. Почему тогда я должна стыдиться? Я просто убираю за своей собакой.

Наклоняюсь и подбираю в пакетик щедро наваленную Симбой тёплую кучку.

Разворачиваюсь и смотрю ей в лицо.

– Чем фигнёй заниматься, вы бы лучше учились. Или замуж вышли. Или ребёнка родили.

– Я и так собираюсь, – кладёт руку на плоский животик, скрытый светлым бежевым пальто.

– Что собираетесь?

– Мы с Борей любим друг друга и у нас будет ребёнок, – заявляет она мне, хлопая длинными ресницами.

Симба тянет меня куда-то за поводок, я чувствую подрагивание в правой руке, будто поймала на удочку большую рыбу.

Мы когда-то с Борей ходили на рыбалку, когда были совсем юными, как эта девчонка. Катались на лодке, и для вида свешивали удочки, чтобы никто не подумал, что мы рыбачим с четырёх утра только для того, чтобы поцеловаться в лодке, пока никто не видит.

– Светлана, не мешайте нашему счастью. Прошу вас, не держите его...

Мне не хватает воздуха, хочется вдохнуть глубже, но не могу. Инстинктивно тянусь поправить ворот плаща, но обе руки заняты.

В левой – пакет, в правой – поводок, ещё и Симба тащит меня в сторону.

Симба – здоровый лабрадор, и весит как я. Мы с Борей купили её, когда ещё не было такой моды на мелких собак. Пятнадцать лет назад мы с гордостью прогуливались по дорожкам парка с очаровательным щенком и двумя мальчишками-сорванцами. Совершенно одинаковыми близнецами, одетыми в похожие курточки. Мне нравилось их одевать. И мальчишек, и Бориса. Чтобы было видно сразу – это мои мужчины! А мы с Симбой – так, слабые девочки.

Кажется вот, совсем же недавно это было. Буквально вчера.

А сегодня мои мальчики уже большие, живут отдельно и с мамой не гуляют. И Боря тоже со мной не гуляет, потому что занят, у него дела.

Зато я два раза в сутки выгуливаю Симу, превратившуюся в жирного телёнка. Старенького телёнка.

Крепко жмурюсь и снова распахиваю глаза. Девушка всё так же стоит передо мной и её красный берет ярким пятном выделяется на фоне облетевшего парка.

2. Старая дура

– ...Мне очень жаль, Светлана, что приходится говорить вам об этом прямо. Но Боря жалеет вас. Он не может просто так уйти.

Боря? Жалеет?

– Он понимает, что в вашем возрасте тяжело начать всё сначала. И я понимаю. – Рука с аккуратным нюдовым маникюром перемещается с живота в область сердца. – Но мешать счастью близкого человека не надо. Порадуйтесь за него.

Воздух прохладный, но в левой руке тепло.

– Порадоваться?

– Да, – она радостно кивает. – Потому что, если любишь, то отпускаешь...

Господи, она статусов в соцсетях начиталась что ли?

Сглатываю, и снова прикрываю глаза. В левой руке оставшийся подарок моей пожилой собаки. Ей тоже тяжело в её возрасте начинать заново, например ходить только в строго отведённых для этого местах. У неё проблемы с пищеварением.

А у меня, кажется, с мужем.

– Я рада, что вы понимаете меня, – елеиным голосом пищит девушка. – Я боялась, что вы кричать будете.

– Не буду, – выдыхаю.

Прямо передо мной покачивается грудь, обтянутая светлым драпом. Сама не понимаю, как это происходит, но левая рука поднимается сама. И впечатывает тёплый, тяжёлый пакет прямо в светлое драповое пальто.

– Ах!

Она отшатывается, но я делаю шаг за ней. И рукой в пакете продолжаю елозить по её груди, размазывая коричневое пятно.

Воняет омерзительно. Да, Симбе нужно пропить пробиотики, давно не давала.

– Что ты делаешь! Я Боре скажу!

От её визга в пустынном парке слетает с дерева пара ворон.

Удалившись от меня на безопасное расстояние, она с ужасом смотрит на свою грудь. Трясущимися пальцами оттягивает ткань и пытается рассмотреть масштаб бедствия.

Пока она не отошла от шока, торопливо дергаю Симбу, пытаюсь задать верное направление её движению.

– Пошли, Симба. Пошли...

Около ближайшей урны с омерзением стягиваю с ладони пакет. За спиной вопли и крики.

– Чокнутая старая ведьма! Ты что натворила!

Слегка обернувшись, вижу, как девица с омерзением стягивает с себя пальто, и несмотря на холод остаётся в одной майке.

Смотрит на меня так, будто сейчас кинется.

– Иди отсюда, а то собаку натравлю. – Слегка поддергиваю рулетку, и Симба глухо фыркает, явно недовольная моим обещанием. Она и мухи не тронет, но звук выходит внушительным.

– Дура, какая же ты дура...

– Зато не испачкалась! – с гордостью демонстрирую ей чистую левую ладонь и иду вперёд по аллее, стараясь держать спину прямо.

3. Профитроли, собака и наглость

Дверь нашей квартиры щёлкает за спиной.

У нас хорошая квартира. И я автоматически думаю, что не хочу её делить. И не хочу её оставлять. Не хочу, чтобы здесь ходила эта фифа в белом пальто.

Здесь выросли наши дети. Здесь я была счастлива. И район удачный, парк рядом, можно с Симбой гулять.

В прихожей тепло, пахнет кофе и ванилью – муж уже проснулся, завтракает. Уходя, я оставила ему на столике профитроли, заботливо накрытые салфеточкой. Чтобы не заветрились.

Дура. Старая дура!

Падаю на пуфик и, не заботясь о том, что испачкаю задники, стягиваю кроссовки, цепляя их носком за пятки. Плевать на кроссовки.

Симба, не дожидаясь, пока с неё снимут поводок, трусит на кухню. Когти цокают по паркету, оставляя на бледном дереве размазанные грязные полумесяцы. Через секунду слышно жадное лакание. Она всегда после прогулки пьёт воду.

С трудом поднимаюсь и вытянув руки из рукавов, вешаю плащ на крючок. Почему-то автоматически приглаживаю волосы перед зеркалом. На меня смотрит бледная женщина с провалами вместо глаз. Поднимаю щёки руками, натягиваю кожу. Да, мне уже не двадцать, как той девице в парке, но ведь не всё так плохо, правда?

Старая дура!

– Светлячок, ты дома? - Тяжелая поступь, и муж выходит в прихожую с пирожным в руках. Откусывает кусочек, демонстративно подкатывает глаза и показывает мне большо палец. Доволен, не заветрились...

Борис, когда в хорошем настроении, называет меня «светлячком». В молодости я млела и плавила от его бархатистых признаний. У него всегда язык был подвешен, и я щедро купалась в комплиментах.

Мало кому из женщин довелось слышать, что она «озарила жизненный путь» и прочие нежности. А Борис на такие красоты не скупился. Ещё в школе мог грамотно отвесить комплимент любой преподавательнице. И мне казалось это милым и полезным навыком.

А ведь это и были те самые «звоночки». Но я не замечала.

Как он свою новую называет? Даже не спросила, как её зовут.

У Бориса звонит телефон. Он достаёт из кармана, смотрит в экран. Хмурится. Сбрасывает звонок и продолжает жевать.

– Спасибо за завтрак, малая, – тянется, чтобы чмокнуть меня в щеку, но я отшатываюсь. Прохожу мимо него в кухню.

Симба уже разбрызгала воду по плинтусу. Мокрые лапы, грязное пузо – сейчас всё будет в следах. Механически сдёргиваю с крючка её старенькое вафельное полотенце, опускаюсь на корточки.

Поднимаю тяжёлую лапу.

Что мне делать, Симба? Что мне делать?

– Кто звонил? – глухо интересуюсь.

– Так, по работе.

– Нет, это дама в белом пальто хотела пожаловаться на то, что старая дура изгваздала её говном, – сосредоточенно вытираю лапы собаки

Борис перестаёт жевать.

Он опускается на стул и аккуратно откладывает недоеденный кусок на салфетку. Я протираю вторую лапу. Бросаю взгляд на тарелку с профитролями.

Почему студентка в красном берете не подошла ко мне вчера? Я бы начинила профитроли цианидом. Или мышьяком.

– Ты мне изменяешь.

Симба недовольно хрюкает, когда я хватаю очередную лапу. Ей тяжело держать равновесие, а я не слишком аккуратна сейчас.

Борис не охает в ужасе от того, что его тайна раскрыта, не падает передо мной на колени и не орошает слезами раскаяния стол. Он медленно делает глоток кофе и берёт с тарелки очередной профитроль.

– Я знаю это, – добавляю я, переворачиваю полотенце чистой стороной и пытаюсь промокнуть грязь с белой шерсти под брюхом. – Почему ты молчишь?!

Он раздражённо откладывает пирожное на тарелку и откидывается на стуле с таким невозмутимым видом, будто я требую его озвучить прогноз погоды.

– А что мне говорить? Я и так знаю, что будет. Сейчас ты скажешь, что требуешь развод. А я отвечу, что развода не будет. Ты этого ждёшь?

Он вытирает пальцы салфеткой. Сминает её аккуратным шариком.

До этого момента где-то под рёбрами жила крохотная, глупая надежда: он скажет «это ошибка». Но Борис даже не пытается отпираться. Его лицо не выражает ни страха, ни вины, ни раскаяния. Только лёгкую досаду, что утро пошло не по плану.

– Это была интрижка, Свет. Она ничего не значит, – будничным тоном сообщает мне.

Таким спокойным тоном можно обсуждать пробки на работу или забытый зонтик.

Возможно, у него целая коллекция «интрижек». Как бабочки на булавках – яркие, красивые, молодые. Ничего не значат для него... Но очень много значат для меня!

поднимаюсь с колен и возвышаюсь над ним, сжимая полотенце в руках.

– Сколько их было? – хриплю.

– Света, – поднимает голову и смотрит мне в глаза, – это всё неважно. Я не хочу ничего разрушать. Просто выслушай!

4. Выходное пособие

Борис встаёт, скрипнув паркетом, берёт меня за плечи и разворачивает к себе.

– У нас крепкая семья, двое детей, – мягко, как умалишённой, говорит он. – Ты мой самый близкий человек. Ближе никого нет.

Тёплые пальцы смыкаются на плечах крепче.

– Помнишь, мы хотели встретить старость на веранде нашего дома? У озера?

В мрачном отупении гипнотизирую пуговицу его пиджака. Каждую ниточку вижу, каждую золотистую крапинку в пластике. У Бори всегда дорогие пиджаки, хорошие. Ему нужно выглядеть безупречно.

Отличный план. Я буду сидеть на веранде, смотреть на озеро, а где-то там, за горизонтом, станут расти его внебрачные дети и шарахаться толпы молодых любовниц.

Из крана тихо капает вода. Из-под стола, где улеглась Симба, потягивает псиной. У меня сейчас слух и нюх, как у рыси. Все чувства обострены до предела.

Уверена: даже на смертном одре буду помнить этот белоснежный квадрат салфетки, тарелку с пирожными и скрип паркета под ногами мужа, когда он подошёл обнять меня, признавшись в измене.

Картина впечатается в память тёмным ожогом. И ни озеро, ни слова прощения, ни ласковые прозвища её не сотрут.

Кто бы мог подумать, что наше «долго и счастливо» закончится вот так. На кухне, под тихо капающий кран.

– Света, жаль, что так получилось, но я клянусь тебе...

– Боря, заткнись, – выдыхаю, и по щеке скатывается невольная слеза. Смахиваю её у подбородка.

– Светлячок, – он наклоняется, чтобы заглянуть мне в лицо, бархатисто курлычет. – Ты же понимаешь: для меня другие женщины ничего не значат. Это просто грязь под ногами.

Поднимаю голову.

– Грязь под ногами – это ты. – Голос срывается на сип. – У вас будет ребёнок, Боря! Твоя грязь носит твоего ребёнка!

В руке до сих пор зажато грязное, пахнущее псиной вафельное полотенце. Оно взлетает само.

Я бью его по тёмному сукну рукава – остаётся белая собачья шерсть. Хлещу по гладко выбритой, ухоженной щеке. Раз. Другой.

Борис инстинктивно вскидывает руки, закрывая лицо.

– Что ты...

Где-то внизу Симба ворочается и скребёт когтями, поднимаясь. Наверное, думает, что хозяева решили поиграть.

– Ты жалеешь меня?! – кричу я. – Твоя любовница сказала – жалеешь! И ты смеешь говорить мне про озеро и грязь?!

Симба глухо рычит. Она не любит, когда я повышаю голос.

– Светлана, успокойся.

– Убирайся! – швыряю полотенце в него. – Проваливай к своей девочке в красном берете! Пусть она рождает тебе детей и печёт эти чёртовы профитроли!

Борис ловит полотенце на лету, брезгливо комкает. Откладывает на край стола, подальше от тарелки.

– Я всё решу, – чеканит он. На переносице пролегает глубокая складка. – Так вышло, Свет. Я этого не хотел, но... так вышло.

Меня начинает колотить мелкой противной дрожью. Вцепляюсь ледяными пальцами в край столешницы, чтобы устоять на ногах.

– Она подкараулила тебя в тёмном переулке и изнасиловала? Не носи чушь!

Борис тяжело опускается на стул. Желваки на скулах ходят ходуном.

– Я закрою этот вопрос. Отправлю на аборт, дам денег – неважно. Ты никогда больше не услышишь об Ане...

Аня. Вот как её зовут. Боря всегда любил простые имена. Аня – Ангелок. Света – Светлячок. Очень романтично.

– Замолчи! – взвизгиваю. – Ты совсем больной?! Уходи!

– Мы можем сохранить семью. Всё будет как прежде.

– Какую семью?! – Я уже не могу сдерживать слёзы, и они прорываются из меня отчаянным воплем. – Мальчики выросли, живут отдельно! Ты на работе или развлекаешься со студентками! От семьи осталась только я и старая собака!

– Света, кто тебе не давал работать? – он поднимает на меня взгляд с искренним недоумением. – У тебя были все возможности для самореализации.

Меня окончательно срывает. Хватаю его за ворот рубашки – так сильно, что он невольно хватается за шею и подаётся ко мне.

– Вот она, моя реализация! Вот! Ты знаешь, как правильно отпаривать стрелки на твоих брюках, чтобы они не лоснились? Знаешь, сколько отбеливателя уходит, чтобы твои воротнички сияли? Да ты вообще знаешь, сколько у тебя рубашек?! Ни хрена ты не знаешь!

Отпускаю его. Падаю на соседний стул, закрывая лицо дрожащими руками.

– Я очень благодарен тебе за то, что ты отличная мать и жена, – ровно произносит Борис, хладнокровно поправляя смятый воротник. – И хочу, чтобы так оставалось и дальше.

– Видеть тебя не могу, – шепчу в ладони. – Пусть твои рубашки теперь гладит Аня. Слишком долго я тебе прислуживала. И выходное пособие оказалось... так себе.

5. Ведьмы

– Я не поняла – прямо так и сказала? – Марина плещет мне вино в свою кружку с надписью «Биг Босс». Это её любимая вещь на кухне, но сегодня отдана в моё распоряжение. – Что ты – старая дура?

– Да, – сморкаюсь в бумажный платок и, скомкав его, бросаю в угол. Там уже скопилась целая горка таких «снежков» – памятник моего горя.

Хватаюсь за горячую керамику двумя руками, делаю спасительный глоток и тут же захожусь кашлем. Терпкая кислота обжигает горло. Я вообще не умею пить, но Марина безапелляционно заявила, что это не вино, а анестезия.

– Тихонько, Светик, – моя другая подруга, Рита, легонько хлопает меня по лопаткам. Я вижу, как она делает страшные глаза, сигнализируя Маринке притормозить. Они обе знают: пить я не умею.

– А эта с-с-су... – шипит Маринка, сверкая глазами. – Я бы ей все патлы повиыдергала! Хоть Симба за тебя отомстила. Суке от суки, как говорится. Но добавить надо было, я считаю.

Услышав свое имя, собака за спиной радостно лупит хвостом по обивке дорогого дизайнерского дивана. Еще вчера я бы, извиняясь, бросилась счищать светлую шерсть с темного велюра, но сегодня мне можно все. А, значит, и Симбе.

У нас экстренная подруготерапия.

Утром, когда Борис хлопнул дверью, я методично, как терминатор, сбросила его костюмы и хрустящие рубашки в мусорные мешки. Коллекции виниловых пластинок, дипломам в рамочках и новенькому макбуку тоже не повезло, я без всякого пиитета рассовала их по паке-там.

Оставив в прихожей гору черных свертков и короткую записку «Проваливай», я гордо ушла из дома.

В соседний квартал. К подругам.

Боря снисходительно называл нас «Иствикскими ведьмами» – Марину и Риту он откровенно недолюбливал. А когда-то мы тянули на первый состав «ВИА Гры». Я блондинка, Марина – дерзкий рыжик, Рита – знойная брюнетка с грузинскими корнями.

Как давно это было. Молодость, сворачивающие шеи мужчины... А теперь юные профурсетки спокойно подходят ко мне в парке и заявляют в лицо, что муж со мной только из жалости. А Борис с таким видом, будто в магазин за хлебом сейчас сходит, обещает «решить проблему» с беременной любовницей.

– Света, может, это ошибка? – Рита заглядывает мне в глаза. При своей роковой внешности она пугающе наивна. Одна тянет двух сыновей, пашет медсестрой на полторы ставки, но все равно упрямо верит в лучшее. То, что она примчалась меня спасать вместо того, чтобы отсыпаться после смены – дорогого стоит.

Я ведь когда-то точно так же вытаскивала ее из депрессий после предательств первого и второго мужей. Рита обладает уникальным талантом притягивать ненадежных мудаков. И не менее уникальным талантом сопереживания.

– Ритуль, ну какая ошибка? – поднимаю отяжелевшую голову. – Борис даже отпираться не стал.

Губы против воли разъезжаются, и я поспешно отворачиваюсь, смахивая липкую слезу.

– Вот козёл! – припечатывает Марина. Она придвигает к себе свою, но временно мою, кружку и делает из нее солидный глоток. – А я ведь говорила! Предупреждала, что вокруг него студентки вьются! Только ты не слушала.

– Марин, не сейчас, – тактичная Рита укоризненно грозит ей пальцем. – Ты вообще никого из наших мужиков не одобряла.

– И ни разу не ошиблась! – Марина победно закидывает ногу на ногу, покачивая пушистым тапком. – Заметьте! Уж лучше одной, как я, чем доверять всяким...

Марина действительно живет одна и кайфует от этого. Никаких драм, только должность креативного директора в престижном агентстве и поклонники без обязательств. И насчет Бориса она предупреждала не раз. Но разве мой серьезный, суровый Боря мог изменять? Я отмахивалась и даже обижалась на нее за такие намеки. А она оказалась права. Как всегда.

Острая жалость к себе пробивает грудную клетку. Всхлипываю, утыкаюсь в бумажную салфетку и швыряю ее в растущую белую горку.

Лучше бы я была как Маринка – свободная и успешная. Или как Рита – привыкшая тащить всё на своих плечах, бронебойная и психически устойчивая.

А я? В свои сорок три я просто тепличное растение. С меня разом сдернули стеклянный колпак, и теперь я стремительно теряю листья на морозе обыденности.

Что мне делать? Детям уже за двадцать, они студенты. Мне даже алименты не светят.

– У тебя сыновья учатся, ты еще можешь на них алименты стрясти, – словно читая мысли, подает голос Рита.

Опытная она, правда, только в теории: ни от одного из своих бывших она ни копейки не добила.

– Ритуль, они живут отдельно! – фыркает Марина. – Борька-кобель всё так обставит, что Светка не то что алиментов не увидит, а еще и будет им съёмную квартиру самой оплачивать.

– Ой, не начинай, – Рита отмахивается. – Может, не такой уж он кобель. Бывают же порядочные мужчины, которые не бросают бывших жен без копейки!

– Ну давай, ищи. Третьего еще успеешь от порядочного родить, – язвит Марина.

– Уж лучше третьего, чем куковать в пустой квартире!

– А мне никто не нужен, я сама себе хозяйка!

Обычно в таких стычках я работала рефери. Но сейчас у меня рухнул мир. Под его обломками барахтается жалкая, раздавленная женщина, в голове которой шумит маринкина «анестезия» и остро пульсирует обида.

– Светик, тебе нужно срочно искать работу! – сообщает Марина в левое ухо.

– Поговори с ним, когда он остынет. Вы найдете компромисс... – воркует Рита в правое.

– Девочки. Я пойду.

Опираюсь руками о край стола и с трудом встаю. Кухня слегка кренится вправо, словно палуба корабля. Глубоко вдыхаю, ловлю баланс и делаю мужественный шаг вперед. Мне физически необходимо оказаться дома. Увидеть пустую прихожую без этих чертовых мешков с вещами Бориса. Только тогда я окончательно поверю, что это не дурной сон и его действительно больше нет в моей жизни.

– Куда ты? – хором ахают подруги.

– Борис должен был сегодня забрать вещи, – шмыгаю носом, фокусируясь на двери. – Наверное, уже всё вывез.

Симба, увидев, что я поднимаюсь, тяжело вздыхает и прыгает с дивана. Подходит ко мне, подставляет шею под шлейку.

Умница моя. Будешь сегодня моей собакой-поводырем.

– Я тебя не пушу! – Марина решительно преграждает мне путь. – Куда ты в таком состоянии попрешься? А вдруг он еще в квартире? Воспользуется твоей слабостью!

Хихикаю. Алкоголь делает пальцы непослушными. Пытаюсь пристегнуть железный карабин поводка к шлейке, но он предательски скользит.

Воспользуется? Да Борис ко мне и к трезвой в последнее время интерес не проявлял. Я-то списывала всё на его усталость, возраст, падение тестостерона. Наивная старая дура. Его тестостерон отлично работал – на девочке в красном берете. На беременной девочке.

– Воспользуется в том плане, что разжалобит и уговорит простить, – мягко поясняет Рита.

Ну вот. Даже Рита понимает, что в текущей кондиции я могу вызвать у мужа только жалость, но никак не желание.

Карабин наконец-то щелкает. Выпрямляюсь.

– Не, Марин... Я домой.

Снова шмыгаю носом. Маринкино лицо подозрительно расплывается по краям.

– Мне надо побыть одной.

Марина понимает, что спорить бесполезно, кивает. А Рита вдруг берет со стола недопитую бутылку вина, завинчивает пробку и решительно впихивает ее мне под мышку.

– На, держи. Пригодится.

6. Равноправие

– Сейчас, Симба, подожди...

Отталкиваю Симбу ногой, чтобы она не мешала, но та настойчиво лезет вперёд. Упирается носом в щель между полотном и косяком и сердито фыркает. Домой хочет. А я, как назло, не могу открыть дверь.

Мне тоже хочется домой.

Тепло от вина уже бежит по жилам, но не заглушает боль – только разгоняет тоску по крови. Как будто очаг инфекции в груди медленно захватывает всё тело. Мне бы сейчас в ванне полежать с книгой и бокалом вина, а не вот это вот всё.

Пьяненько шурясь, с трудом вытаскиваю ключ из замочной скважины и поднимаю его к глазам. Рассматриваю на свет.

Вроде всё правильно. Почему не открывается дверь?

Наклоняюсь, разглядываю скважину вблизи – и испуганно отшатываюсь.

Отказываясь верить в страшное, поднимаю взгляд на номер двери. Квартира правильная. Не может этого быть.

Моргаю. Бью кулаком по двери.

– Как ты мог, сволочь!

Соседи, наверное, в восторге. Рассматривают в глазок крах семейной жизни интеллигентной пары. И пока даже не догадываются, что бонусом им достался просмотр редкостной пако-сти. Пока горящая жена плакала в жилетку подругам, муж вызвал слесаря и сменил замки.

От отчаяния и неверия подкашиваются ноги. Медленно опускаюсь на пол и лезу в сумку. Нахожу бутылку, заботливо выданную Риткой, и отвинчиваю пробку.

Салютую в сторону соседской двери, желая им хорошего просмотра, и прикладываюсь к бутылке. Делаю щедрый глоток и еще пару минут сижу, глядя в одну точку перед собой.

Симба, поскуливая, лезет мне под мышку. Поторапливает и просит встать. Не понимает, что происходит.

– Вот такие дела, милая. Кажется, дома у нас больше нет. – Треплю Симбу по загривку.

Словно оглушённая делаю ещё один глоток и жмурюсь. Надеюсь, что отупение пройдёт и всё это окажется сном.

Мокрый нос Симбы утыкается в ладонь, возвращая в реальность. Ладно я, но собаку то за что?

Как во сне лезу за телефоном и разблокирую контакт Бориса. Мне тут же идёт вал пропущенных звонков и сообщений – от виноватого «прости, любимая» до угрожающего «ты пожалеешь».

Еле попадая пальцами в экран, набираю мужа. Шмыгаю и вытираю нос ладонью, пока идут длинные гудки.

– Да, милая... – мурлычет трубка. – Я уже понял, что ты дома. Весь подъезд понял.

– Открой дверь. Немедленно! – голос срывается, но я стараюсь звучать грозно.

– Почему же ты решила, что я должен уйти? Это и моя квартира тоже.

– Потому что я женщина!

– Я за равноправие полов. – Борис ухмыляется. Так и вижу, как он самодовольно приглаживает волосы знакомым жестом. – Почему ты имеешь право швырять мои вещи, а я не могу сменить замки? Так не пойдёт. Ты меня расстроила, Света. Сильно расстроила.

Дыхание перехватывает от возмущения. Делаю глоток – просто чтобы не заорать.

– Ты понимаешь, о чём говоришь? Это ты мне изменил, а не я тебе! Где твоя совесть?

Мне кажется, я физически ощущаю, как за дверями оживлённо переглядываются соседи. Да, шоу у них сегодня интересное.

– Света, если тебе так будет проще, можешь мне изменить. Я не против. Но только один раз. Я же говорю, что за равноправие!

– Ты совсем с ума сошёл?

– Я как раз в здравом уме, и предлагал тебе решение, которое будет устраивать нас обоих.

– Какой же ты гад! – уже не сдерживаюсь. – Как ты можешь так со мной?

– Переговоры, Светик. Я впусти тебя, если ты согласишься на мои условия.

– Какие? – захлёбываюсь слезами.

– Я тебе говорил. Просто забываем и живём дальше.

– Как я могу забыть! – плечи трясутся, слова с трудом прорываются через всхлипы. – Боря, прекрати это – и я постараюсь сохранить к тебе остатки уважения. Обещаю не настраивать детей против тебя, не лезть в твою жизнь. Клянусь...

– Как у тебя всё просто. – Металлический голос в динамике. – Ты меня тоже обидела. Перечеркнула наш брак из-за одной маленькой ошибки. Между прочим, ты макбук мой поцарапала...

Ох, не зря моего мужа называли на кафедре БТР. Он, и правда, переедет – и даже не оглянется на размазанную им жертву. Только я никогда не думала, что человеком, по которому он пройдёт железными гусеницами, окажусь я.

Он говорит что-то ещё, но я уже не слушаю. Телефон сам опускается вниз. Борис что-то продолжает говорить – я слышу только бульканье, но не слова.

Придерживаясь за стену, встаю и дёргаю Симбу за поводок.

– Пойдём, Симба. Что-нибудь придумаем.

7. Без вариантов

Воздух улицы врывается в легкие свежестью. Шлёпаю себя по щекам, чтобы хоть немного сбросить пьяный морок, но это мало помогает.

Сажусь на холодную деревянную скамейку у подъезда. Что делать дальше, я не представляю.

Это у дверей квартиры я могла рисоваться и строить гордую амазонку, а здесь, на улице я остро чувствую своё одиночество и обиду за зря растраченную молодость.

Выуживаю из сумки недопитую бутылку, трясусь. Рассматриваю темно-красное стекло на просвет. Осталась треть. Это много или мало? Я не знаю, где у меня «порог отключки», но, судя по расплывающимся очертаниям предметов, я его уже перешагнула.

Продолжать дегустацию на лавочке под окнами родного дома мне стыдно. Прячу бутылку обратно в сумку.

Симба с тяжелым вздохом укладывается на асфальт и поднимает на меня грустную морду.

– Что, не понимаешь, почему мы тут бомжуем? – треплю ее за бархатным ухом. – Я тоже.

Достаю телефон. Экран слепит глаза, буквы в телефонной книге плывут и разъезжаются. Меня мутит.

Позвонить сыновьям? И что я им скажу? «Привет, мальчики, ваш папа завел беременную студентку и сменил замки, пустите маму переночевать»?

Стыдно и глупо. Да и не хочу я, чтобы дети видели меня в таком не совсем пристойном виде.

К тому же у них квартиры съемные, с животными туда нельзя.

Ни секунды не сомневаюсь: Боря выбрал тактику измора. И если бы я не накачалась маринкиным вином для храбрости, то сейчас сидела бы с ним в гостинной и вела бесконечные переговоры о том, кто виноват и как нам жить дальше.

Но сейчас я этого не хочу. Во мне гудит гремучая смесь из ярости, алкоголя и поруганной женской гордости.

«Измени мне в ответ». Вот же наглец! Он прекрасно знает, что для меня изменить мужу – это как согласиться полететь в космос на табуретке. У меня из знакомых мужчин – только пожилой армянин Ашот из мясной лавки. И там без вариантов!

Вот так и прошла жизнь. В отбивных, отбеливателях, идеальных стрелках на мужских брюках. И ни одного поклонника! Идеальная, скучная жена.

– Ладно, Симбочка, пошли к Марине обратно, – с кряхтением встаю и дергаю поводок.

Собака растопыривает лапы и упирается в асфальт когтями. Тоскливо смотрит на подъезд. Она устала и хочет пить.

– Пойдем, я же тебя на себе не потащу! – пытаюсь сдвинуть тридцать килограммов упрямого лабрадора.

Но Симба тяжело плюхается на пузо, всем видом демонстрируя, что в наших разборках она соблюдает нейтралитет.

Максимально напрягаю остатки когнитивных функций и лезу в приложение такси. Если эта мохнатая задница не хочет идти пешком десять минут – значит, придётся её отвезти.

«К вам приедет черный...» Дальше читать не могу, буквы сливаются в сплошную черту. Отлично. Пытаюсь набрать в комментарии, что я с собакой, но пальцы не попадают по клавишам. Бросаю это дело. Надеюсь, водитель поймет.

Когда к тротуару бесшумно подкатывает массивный темный кроссовер, я, стараясь не шататься, волоку к нему Симбу. Рву на себя тяжелую заднюю дверь и двумя руками заталкиваю животное внутрь.

– Эй, женщина! Вы что творите?! – раздаётся с водительского сиденья возмущенный мужской баритон.

– Простите... – пыхчу я, подпихивая пушистую собачью попу вверх. – Нам тут недалеко. Пешком минут десять.

– Вы в своем уме?!

– Не переживайте, я ее на сиденье не пушу, – заплетающимся языком выдаю железобетонный аргумент. – Шерсти не будет...

Водитель от неожиданности захлопывает рот и в зеркало заднего вида молча наблюдает, как я, утрамбовав собаку в ноги, вваливаюсь следом.

– Улица Станочников, дом десять. Вы же знаете, – команду я и с силой захлопываю дверь.

Задеваю сумку, внутри громко звякает стекло. Мужчина резко поворачивается ко мне. На секунду мне кажется, что он сейчас вытащит меня за шкуру из машины и вышвырнет на асфальт. А потом повторит операцию с моей собакой.

– Мне туда же! – с каким-то возмущением констатирует.

– Конечно, вам туда, – киваю, удивляясь его несообразительности. – Я же адрес указала. Он продолжает смотреть на меня через плечо. Глаза горят откровенным бешенством.

– Я вам чаевые оставлю, – мило, как мне кажется, улыбаюсь я.

Он возмущенно мотает головой, и пренебрежительно машет в мою сторону рукой. Этот жест мне не нравится, но я молчу.

Машина мягко трогается с места.

В салоне тепло, пахнет дорогим парфюмом, тихо играет джаз. Я смотрю на затылок водителя. Широкие плечи обтянуты отличным кашемировым пальто. Никаких шашечек, никакого радар-детектора. Нормальный такой таксист. Наверное, бизнес-класс приехал.

Но даже с ним бы я изменить не смогла...

Чужой запах. Чужие руки на моем теле. Чужие привычки, чужой смех. Как это вообще возможно? Я двадцать лет спала в одной постели с одним человеком. Я знаю каждую родинку на его спине, каждый его вздох и недовольное мычание по утрам. Я не хочу других мужиков! Да и кому я нужна такая...

От этой мысли становится так невыносимо горько и жалко себя, что я утыкаюсь носом в макушку Симбы и с трудом сдерживаю слезы.

– Приехали, – глухо бросает водитель, резко тормозя.

– Проверьте, что деньги списались, – из последних сил пытаюсь сохранить лицо и быть вежливой пассажиркой.

– Ага. Списались, – рычит он. – Проваливайте уже.

– А вот это было некультурно! – грожу ему пальцем и распахиваю дверь. Выволакиваю собаку за шлейку. – Но всё равно спасибо!

Ковыляю к маринкиному подъезду. Код от домофона отпечатан на подкорке.

Поднимаюсь на этаж, жму на кнопку звонка.

Дверь распахивается почти мгновенно. Марина уже переоделась в шелковый халатик – явно собиралась спать. При виде меня на ее лице отражается искренний, неприкрытый шок.

– Светик?! Ох, ничего себе! Что-то случилось? Он тебя не пустил?!

Я набираю в грудь побольше воздуха, чтобы вывалить на неё всю историю про замок и мою загубленную молодость, но тут за моей спиной раздвигаются створки лифта.

Марина переводит взгляд за мое плечо. Её глаза, и без того большие, становятся размером с чайные блюдца. Шелковый халатик на её груди нервно вздрагивает.

Оборачиваюсь.

На лестничной площадке стоит мой суровый «таксист». В одной руке держит брелок от машины, а во второй — плотную кожаную папку.

Я пьяно моргаю. Он что, поднялся за чаевыми? Я же сказала «спасибо»! Или я забыла заплатить? Но приложение ведь...

Начинаю что-то лепетать, но затихаю. У таксиста такое лицо, что мне становится страшно. И смотрит он не на меня, а на Марину.

8. Недоразумение

Мужчина делает шаг вперед. Отодвигает меня плечом, словно я со своей собакой здесь – пустое место.

Вроде не грубо, но я невольно впечатываюсь лопатками в косяк.

Мимо моего лица протягивает папку, чуть не задевая нос пластиковыми уголками, и я автоматически провожаю его руку взглядом.

– Марина Викторовна, – сухо произносит мужчина. – Я надеялся, что вы компетентный и ответственный сотрудник. И, поверьте, мне неприятно после рабочего дня отвозить вам смету и договоры, забытые на моем столе.

– Простите, Глеб Витальевич. – Марина приседает и нервно тербит халатик на груди. – очень любезно, что вы сами... что же вы не позвонили... Я могла бы...

– Телефон нужно включать. Но вы, я смотрю, заняты. – смеряет меня уничижительным взглядом. Мне хочется также присесть под его взглядом, как и Марине, но меня придерживает косяк между лопаток.

– Чтобы завтра к девяти на встрече всё было готово.

Марина судорожно сглатывает.

– Д-да... Конечно.

Я перевожу мутный взгляд с Марины на таксиста. Какая смета? Какие договоры?

Мужчина коротко кивает. Разворачивается, чтобы уйти, но на секунду вновь задерживает взгляд на мне. Окидывает с ног до головы – помятый плащ, размазанная тушь, торчащая из сумки пробка от винной бутылки. Опускает глаза на Симбу, которая радостно виляет хвостом, признав в нём недавнего попутчика.

Желваки на его лице снова дергаются.

– И в следующий раз, Марина Викторовна, – бросает он ровным, ледяным тоном, – постарайтесь обойтись без склероза. И без пьяных подруг и их живности в моем салоне.

Разворачивается и нажимает кнопку лифта.

Двери разъезжаются, проглатывая широкую спину в кашемировом пальто и тихо закрываются.

На площадке повисает тишина. Слышно только, как Симба шумно дышит, высунув язык.

Я смотрю на пустое пространство перед лифтом, потом на Марину. Пытаюсь сообразить, что происходит.

– Марин... – язык еле ворочается. – Твой босс, да? А почему он таксует в бизнес-классе? У вас в агентстве зарплаты задерживают?

Марина смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Потом хватается за воротник, втаскивает в квартиру, затягивает следом упирающуюся собаку и захлопывает железную дверь. Щелкает замком.

Прислоняется спиной к двери и медленно сползает по ней вниз, закрывая лицо руками.

– Света... Твою мать, – стонет она сквозь пальцы. – Скажи мне, что ни тебя, ни собаку не вытошнило в его «Майбах». Пожалуйста, скажи, что ты этого не делала.

– Я? – искренне возмущаюсь я, стаскивая кроссовки. – Я интеллигентная женщина! Ик. А вот он – хам.

Марина поднимает на меня глаза, полные экзистенциального ужаса.

– Это генеральный директор инвестиционного фонда, Света. Владелец контрольного пакета нашего агентства. Он людей увольняет за то, что они чихают на совещании! Как ты вообще оказалась в его машине?!

Пытаюсь сфокусировать на ней взгляд. В голове шумит, перед глазами всё плывет.

– Я такси вызывала... – вяло отмахиваюсь я. – А он... он сам подъехал. Я думала, это бизнес-класс. Марин, ну откуда я знала?

Марина всплескивает руками так, что папка с договорами чуть не улетает на пол. Глаза мечутся молнии.

– Света, ты понимаешь, что он завтра со мной сделает?! Он меня с землей сровняет!

– Ну скажи ему, что у твоей подруги муж любовницу завел... – жалобно тяну я, прислоняясь к стеночке. Стеночка предательски кренится.

Марина подхватывает меня под локоть, не дав съехать на пол. Лицо у нее становится каменным. Сочувствие как ветром сдуло – на его место пришел инстинкт самосохранения корпоративной акулы.

– Иди спи, – обрывает она меня жестко. – Вон диван в гостиной. Постельное белье внутри.

Она буквально заталкивает меня в комнату. Никаких «бедняжка Светик», никаких попыток выслушать про замок и слесаря. Она даже не предложила мне чай.

– Марин, прости, если из-за меня тебе попадет, – бормочу я, падая на велюровую обивку. – Хочешь, я извинюсь перед ним.

– Упаси бог, – она разворачивается на пятках и идет к выходу из комнаты. – Если я завтра потеряю работу из-за твоих пьяных выходок, я тебя сама убью.

Она щелкает выключателем, погружая гостиную во мрак, и выходит, плотно прикрывая за собой дверь.

В темноте слышно, как Симба шумно обнюхивает ковер, а потом тяжело плюхается на пол рядом со мной.

Мир снова сузился до размеров одной комнаты. Я зажмуриваюсь. Под веками крутится карусель из красных беретов, белых профитролей, ключей от квартиры и презрительных глаз генерального директора, чей «Майбах» я перепутала с такси.

Пытаюсь натянуть на себя какой-то плед, но руки не слушаются. Проваливаясь в тяжелое, вязкое забытие, я из последних сил тянусь к двери и сипло кричу:

– Марин... Налей собачке водички. Она пить хочет...

9. Мы квиты?

Мокрая теплая тряпка проходится мне прямо по лицу. От носа к линии роста волос и обратно.

Морщусь и вяло отмахиваюсь.

– Боря, ну отстань...

Тряпка не сдается. Проходится по лицу еще раз, сопровождая движение тяжелым сопением. В ухо утыкается что-то мокрое, а затем раздается жалобное поскуливание.

С трудом разлепляю глаза. Надо мной нависает ушастая голова Симбы, чей хвост выстывает радостную дробь по подлокотнику дивана.

Первые пару секунд, пока мозг еще не загрузился, несмотря на жуткое похмелье, я чувствую себя живой.

Но потом бетонной плитой наваливается тяжесть вчерашнего дня, где мой муж завел себе Ангелка, сменил замки в нашей квартире и выставил меня на улицу.

С трудом сажусь и тут же хватаюсь за виски от пульсирующей боли. Во рту сухо, словно там ночевал эскадрон гусар в пыльных сапогах. Возможно, я бы заплакала сейчас от жалости к себе, но у меня в организме влаги даже на слезы не осталось.

Симба, повизгивая, извивается у моих ног, демонстрируя бурный восторг от моего пробуждения.

– Доброе утро, девочка... – сиплю, почесывая её за ухом. – Хоть ты мне рада.

Кое-как встаю и одергиваю на себе измятую блузку, я прямо в ней и спала. В сопровождении Симбы ковыляю на кухню и нажимаю кнопку на навороченной кофемашине подруги.

Пока аппарат со страшным рыком плюется кипятком, жадно пью воду прямо из-под крана, проклиная и вино, и Бориса.

Делая обжигающий глоток кофе, замечаю на столе желтый стикер:

«Ключи на тумбочке. Аспирин в ящике. Умчалась спасать свою жизнь и карьеру. Ну ты даёшь, Светик! М.»

Да уж, у меня за вчерашний день в жизни произошло больше событий, чем за последние двадцать лет.

Кстати, за «Майбах» мне не стыдно. Вот нисколючки. Ничего такого я, кажется, не делала. Даже была вежливой. В отличие от некоторых водителей!

Пожалев Маринку за то, что ей достался такой козел-начальник, плетусь в ванную. Беру ее зубную пасту, выдавливаю белую горошину прямо на указательный палец и начинаю ожесточенно тереть зубы.

Щетки-то у меня нет. У меня вообще ничего нет.

В кармане платья разрывается телефон.

Выплываю пасту, споласкиваю рот. Выуживаю аппарат... Сердце делает кульбит и замирает.

На экране светится: «Любимый».

Чего он хочет с утра пораньше? Напомнить, что я бомж?

Опять хочется лечь на диван, отвернуться к стенке и хорошенько так пореветь. Вода в организме теперь позволяет это сделать.

Подумав пару секунд, принимаю вызов. Все равно ведь найдет меня. Пусть лучше сейчас, пока я еще под частичной анестезией.

– Да, – хриплю в трубку.

– Доброе утро, Света, – голос мужа звучит пугающе бодро, – Я рад, что ты проявила благоразумие и мы можем закрыть этот вопрос без лишней драмы.

Смотрю на свое отражение в зеркале. Размазанная вчерашняя тушь под глазами делает меня похожей на панду в глубокой депрессии.

– Какой вопрос, Боря? – тупо переспрашиваю я.

– Ну, раз ты не ночевала дома... – он делает паузу. – Я понимаю, тебе нужно было выпустить пар. Ты закрыла свой гештальт. Молодец, я это уважаю. Теперь мы квиты, измена состоялась с обеих сторон, и наша семейная идиллия может быть восстановлена. Вечером жду тебя...

Раздается цокот когтей, и в ванную протискивается Симба. В зубах держит поводок, тяжелый карабин гулко брякает по кафельному полу.

– Света? Ты меня слышишь? – мурлычет в трубке муж. – Возвращайся. Я всё прощу.

– Ты? Меня? Простишь? – мой похмельный мозг отказывается обрабатывать эту информацию. Мне кажется, я ослышалась.

– Да, сначала я. А потом и ты меня простишь.

Неужели он серьезно считает, что я прямо вместе с собакой сняла какого-то мужика, кувыркалась с ним всю ночь, и теперь, когда мы оба измазаны в дерьме, мы снова идеальная семья?!

Симба опять тычет мне в ногу поводком и лупит хвостом по двери ванной комнаты.

Открываю рот, чтобы сказать, что ночевала у Маринки, но осекаюсь. Это будет звучать глупо. Борю можно считать кем угодно, но он не идиот. Он прекрасно знает, что пойти мне больше было некуда.

Я слишком хорошо знаю своего мужа и нутром чую подставу. Мои рассказы про маринкин диван будут звучать либо как жалкие оправдания, либо как наглая ложь. Он ведь еще и заявит при случае, что в отличие от меня, он хотя бы имел смелость признаться.

Будь я бодра и свежа, возможно, я бы продолжила этот словесный поединок и вышла из него победительницей. Но я еще не выпила маринкин аспирин.

Поэтому я не вижу другого выхода.

– Боря, – мой голос звучит неестественно спокойно. – Пошел на хрен.

Отбиваю вызов и уныло пялюсь в темный экран. Я иногда слышала краем уха, как коллеги мужа восхищались тем, что он мастер манипуляций. Но никогда не придавала этому значения.

Но на мне он свои уловки раньше не практиковал. Или практиковал, но я не замечала?

Телефон в руке снова взрывается звонком. Я едва не роняю его в раковину от неожиданности.

Светится номер Марины.

– Да! – рявкаю я.

– Светик! – в трубке задыхающийся, панический шепот. – Светик, ты должна меня спасти!

– Что случилось?

– Флешка! Я забыла дома синюю флешку! Она на комодке в прихожей! Света, там финальная презентация!

Господи, за что мне это всё? Еще позавчера в это время я, мурлыкая под нос песенку, поливала фикус или варила борщ.

– Марин, у меня Симба не гуляна, она сейчас лужу наделает...

– Мне шеф сейчас башку отгрызет! – воет в трубку подруга. – Пусть твоя собака хоть на потолок ссыт, но флешка должна быть у меня через полчаса! Улица Ленина, бизнес-центр «Империя». Жду внизу!

Она бросает трубку.

– О господи... – стону я и бессильно опускаюсь на закрытую крышку унитаза.

Симба преданно смотрит на меня снизу вверх. Поводок в её зубах дрожит.

Телефон в руке вибрирует. Новое сообщение.

«Света, спаси меня! Это из-за твоего таксишного бенефиса всё кувырком!»

Марина сделала контрольный выстрел в моё чувство вины.

С протяжным вздохом тащусь в прихожую. Маленькая синяя флешка, действительно, валяется на комоде рядом с ключами. Сую ее в карман плаща.

Нахожу массажную расческу, пару раз деру всклокоченные светлые волосы.

Снова смотрю в зеркало. Вид по-прежнему пугающий.

Но мне ведь не на подиум. Идти тут недалеко. Дойду до ее пафосного офиса, постою на улице. Марина выскочит, я отдам ей эту чертову флешку, и Симба как раз сделает свои дела по пути. Отличный план.

– Пошли, – командую, пристегивая тяжелый карабин к шлейке. – Идем спасать маринкину карьеру. И ее башку.

10. Шлепок для босса

Ежась под холодным ветром прячу руки в карманы и гипнотизирую вход, ожидая, когда оттуда выпорхнет Маринкино яркое пальто.

Но стеклянная дверь-вертушка порциями поглощает и выплевывает людей, а Маринки все не видно.

– Ой, какая собачка... – рядом со мной останавливается милая девушка в красном берете и меня будто молнией прошибает. Сердце за долю секунды успевает свалиться в пятки, резко взлететь в горло и мелко затрепетать там, перекрывая кислород.

– Можно погладить? – поворачивает ко мне симпатичное веснушчатое лицо.

В организме стихает резко взревший сигнал тревоги.

Выдыхаю. Это не она!

Симба натягивает поводок и тянется к девушке, но я недружелюбно поддерживаю собаку к себе.

– Не стоит, - фыркаю.

Девушка обиженно поджимает губы и цокает к дверям.

Как называется боязнь красных шапочек? Кажется, я открыла новый вид фобии.

Симба снова тянет меня в сторону, но я, не отрывая взгляд от «вертушки», командую:

– К ноге!

Ага. Могла бы удаляющемуся берету то же самое скомандовать. Симбе плевать. Она негромко и радостно подвывает, глядя куда-то в сторону.

– Я смотрю, вы теперь с собакой в деловой центр пытаетесь пробиться?

Медленно поворачиваю голову.

Симба радостно скребет задними лапами, узнав знакомого мужчину. Он стоит в трех шагах, засунув руки в карманы пальто, и с усмешкой смотрит на меня сверху вниз.

А я краснею.

Вчера мне не было стыдно. А сейчас, при свете утра, когда я откровенно помята — очень. Потому что водителя Майбаха и Маринкиного начальника я узнаю сразу.

И по голосу, и по манере сканировать взглядом — как будто ценник ищет.

– Здравствуй, Глеб Викторович... – выдавливаю.

– Витальевич!

Мне хочется стать невидимой и уползти подальше, но я мужественно продолжаю.

– Простите за вчерашнее. Если нужна химчистка салона, я опла...

Симба всё-таки делает рывок. Дёрнув меня за собой, встает на задние лапы и оставляет на черном пальто два светло-серых пятна.

– Да чтоб вас! – он отшатывается. Опустив голову, оттягивает лацканы. – Чокнутая дура.

А вот это он зря. У меня красношапкафобия и дураагрессия. Сегодня я опасна для всех.

– Не надо было подходить! – рявкаю.

Он поднимает на меня полный удивления взгляд и продолжает безразлично отряхивать пятна.

Я не выдерживаю. Кто же так делает! Только грязь размазывает.

– Дайте, я сама!

Достаю влажные салфетки. С хрустом вытаскиваю одну и, не обращая внимания на его сопротивление, прикладываю к лацкану.

– Аккуратно надо с такими вещами. – Ворчу. – Это же чистая шерсть.

– Чистый кашемир.

– Тем более. Сейчас размажете, химчистка нужна будет.

Телефон в кармане взрывается звонком.

– Не трогайте, я сам! – пытается увернуться, но я настойчива.

– Собаку держите лучше, – продолжаю тереть, чувствуя, как из рук выскальзывает поводок. – Я сделаю так, что следов не останется.

– А! – он чуть заваливается вперед, потому что Симба, идиотка радостная, оставляет такие же отпечатки на его спине.

– Я же говорю: держите. Не вертитесь!

– Отстаньте!

– Если бы вы не крутились...

– Ответьте на телефон! Вы меня с ума сведете!

– Да! – достаю трубку, прижимаю к уху и одновременно разворачиваю Глеба как его там... так, чтобы оттереть следы на талии.

Он здоровый. Мои глаза — на уровне его лопаток.

Лучше бы Симба до лопаток допрыгнула. Сейчас я тру его поясницу, и со стороны это выглядит как непростительные ласки.

Но я не хочу тащить кашемир в химчистку, и так обещала салон ему почистить. Такие затраты в мой нынешний бюджет не вписываются.

– Мама, что происходит? – в трубке возмущенный голос моего сына Максима. Он такой у меня, эмоциональный, шумный и резкий.

– Макс, давай не сейчас... Да не вертитесь же!

Не подумав, отвечаю боссу хороший такой шлепок по заднице. Как ни странно, это работает, и он затихает.

– Папа сказал, ты из дома ушла!

– Хороший мой, я потом объясню.

– Мама, вернись. Он сказал, что простит другого мужчину...

У меня дергается щека. Механически тру пятно, рука работает сама.

– Макс, я у тети Марины пока живу. И возвращаться не собираюсь.

Сбрасываю звонок и разворачиваю к себе Маринкиного босса, который теперь ведет себя на удивление смирно.

– Всё, – сообщаю ему, сдувая с лица прядь спутанных волос. – Ваше пальто как новое. Надеюсь, претензий ко мне больше нет?

Он ведёт челюстью. Ладно, будем считать, что это знак согласия.

– Тогда вот ещё, – опускаю телефон в карман и, выудив оттуда флешку, протягиваю ему. – Марине передайте. И скажите, что я устала её ждать.

Он автоматически протягивает руку, и флешка опускается в огромную ладонь.

Молчит и странно на меня смотрит.

– Спасибо и до свидания! – вежливо киваю ему. Дёргаю собаку, которая стучит хвостом, бросая на босса восторженные взгляды. – Симба, пошли!

11. Карьера с доставкой на дом

– Ну как всё прошло? – выглядываю в коридор, вытирая мокрые руки кухонным полотенцем. – Башка, вроде, на месте.

Пытаюсь шутить, но голос предательски дрожит. Меня пугает то, как подруга молча заходит в квартиру.

Марина автоматически, как заведенный робот, опускается на пуфик. Так же медленно расстегивает пуговицы плаща. На вьющуюся под ногами Симбу – ноль внимания. Только гипнотизирует невидимую точку на обоях.

Внутри всё сжимается в ледяной комок. Господи... Уволил? Неужели из-за меня?

Швыряю полотенце на обувницу и бросаюсь к ней, отпихивая коленом дурную собаку.

– Марина, прости... – опускаюсь перед ней на корточки, заглядываю в серое лицо. – Я же передала эту чертову флешку! Ждала тебя, а тут он...

Она заторможенно кивает.

– Господи, презентация провалилась? – впираюсь ногтями в ладони.

Марина отрицательно мотает головой. Я шумно выдыхаю. Если у неё и проблемы, то не из-за того, что я использовала напыщенного Глеба, как его там, в качестве курьера.

– Ну вот видишь! – радостно трещу, пытаюсь растормошить подругу. – Хорошо, что я не стала тебя дожидаться. Решила, что в интересах вашего инвестора тебе материалы передать, поэтому...

Марина переводит на меня тяжелый, немигающий взгляд.

Осекаюсь.

– Я тебе борщ сварила, – брякаю первое, что приходит в голову. – И картошку пожарила. Наверное, я слишком много говорю. Но боюсь, если замолкну, она встанет и меня придушит, поэтому жизнерадостно заявляю:

– Так что скажем дружно «спасибо» за помощь Глебу Викторовичу этому...

– Витальевичу, – глухо сипит подруга.

– Да. Витальевичу... И раз всё хорошо, руки мыть и за стол.

Улыбаюсь самой натянутой улыбкой из своего арсенала.

– Он тебя хочет... – выдавливают Марина.

– Что, прости?!

Убить? Расчленишь? Подать в суд за порчу кашемира?

– Работу хочет тебе предложить. После презентации вызвал меня в кабинет... – она нервно дергает воротник блузки. – Взял твой номер. Сказал, у него есть к тебе деловое предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Ошарашенно моргаю. Я и деловое предложение от генерального директора инвестфонда?

Навыков у меня – ноль. Я даже универ не окончила: на третьем курсе нарисовались близнецы, и Боря сказал, что мое дело – семья. Я, как примерная жена, послушалась. И вот результат.

– Как ты это сделала, Света? – моргает она. – Что ты ему сказала?

– Эм... Ничего. – Сажусь рядом с ней на пуфик. – Ничего не понимаю. А кем?

Вряд ли оттирание грязи с его поясницы влажными салфетками впечатлило его как работодателя.

Марина с трудом делает глубокий вдох, словно только сейчас осознает, что произошло. Стягивает плащ и сбрасывает туфли.

– Он когда мне флешку протянул и сказал, что от «дамы с собачкой», я чуть не упала. А потом он меня в кабинет вызвал, я думала – всё, уволит. – Непонимающе потирает лоб. – А он про предложение, от которого нельзя отказаться...

– А у вас вообще вакансии есть? – цепляюсь за соломинку.

Она медленно встает и наконец идет в сторону кухни. Я семеню следом, пытаюсь связать воедино ускользающие мысли.

– Знаю только, что Леночка, его секретарша, в декрет уходит. – Поворачивается ко мне, задумавшись. – Но это вряд ли. Он не станет искать замену так... на улице.

– От него декрет? – с подозрением хмыкаю.

– Нет, точно нет. Он перфекционист, деспот и тиран. – Марина растерянно мотает головой. – Он на Леночку так орал! Странно, что она забеременела на такой нервной работе.

Хотя ещё ничего не понятно, но я польщена. Возможно, этот сноб оценил мою стрессоустойчивость и бульдожью хватку. А офис-менеджер звучит всяко лучше, чем безработная брошенка.

Я готова вкалывать, таскать ему кофе, сортировать скрепки по цветам радуги – всё что угодно, лишь бы удержаться и доказать всем, и в первую очередь, Борису, свою значимость.

– О, борщик... – Марина наконец принимает решение, и к ее лицу возвращаются краски.

– Сейчас налью, сядь, – подхожу к шкафчику и суетливо греблю тарелками.

Я хочу угодить подруге. Борщ – самое малое, что я могу для нее сделать после того стресса, что устроила.

И пока Марина моет руки, внутри меня уже разгорается сладкое, горячее предвкушение.

Я после Бориса вообще никого не боюсь. Тиран? Деспот? Пф-ф. Я двадцать лет выживала в браке с БТРом!

Живо представляю, как звонит Борис. А я беру трубку и не ноющим, жалобным тоном, а уверенным, ледяным голосом чеканю: *«Прости, я занята. Готовлю документы к совещанию. С тобой свяжется мой адвокат»*.

Два дня без мужа – и вот она, независимость.

В кармане маринкиных джинсов, которые я напялила вместо мятого платья, вибрирует телефон. Незнакомый номер.

Замираю над кастрюлей и делаю глубокий вдох.

Прокашливаюсь, придавая лицу максимально деловое выражение. Нажимаю «Ответить».

– Слушаю вас, – произношу своим лучшим «секретарским» тоном.

– Добрый день, – голос звучит сухо и деловито. – Это Лисовский.

– Да, Глеб Ви... Витальевич. Марина передала, что вы хотели со мной поговорить.

Маринка выходит из ванной, и по её лицу вновь пробегает тень.

Оптимистично поднимаю вверх большой палец. Мол, не пугайся, всё хорошо.

– Верно. Мне нужен сотрудник.

Победно подмигиваю Марине. Она округляет глаза и наостряет уши.

– Я готова рассмотреть вакансию, – чинно отвечаю, мысленно уже выбирая себе строгую юбку-карандаш.

– Отлично. Мне нужна помощница по хозяйству.

Повисает пауза. Я часто моргаю, уставившись на Марину.

– Простите? Куда помощница? – переспрашиваю я, уверенная, что ослышалась. Может, это должность начальника АХО? Административно-хозяйственный отдел?

– Ко мне в дом, – чеканит он. – Хозяйка дома не успевает поддерживать там порядок. Мне нужен человек, который наведет чистоту и уют и будет поддерживать их с энтузиазмом и рвением. Этого у вас, кажется, предостаточно.

Последняя фраза звучит с такой откровенной издевкой, что мой воздушный замок с офисным креслом и независимой женщиной с грохотом рушится прямо мне на голову.

Уборщица. Он предлагает мне мыть его полы?!

– Я подумаю над вашим щедрым предложением, Глеб Витальевич, – ледяным тоном произношу я. – Всего доброго.

Сбрасываю вызов и раздраженно швыряю телефон на кухонный стол.

Марина смотрит на меня, затаив дыхание.

– Ну что?! Сколько предложил?

Язвительно фыркаю, опираясь руками о столешницу.

– Он хочет, чтобы я у него дома полы мыла! Представляешь?! Уборщицей! Видите ли, хозяйка дома не справляется! Конечно, не справляется, если он женат на безрукой соплюхе! Не буду я чужому мужику унитаза драить. Я уже надраилась за свою жизнь... И хочу нормальной жизни. Я хочу карьеру строить!

Меня несёт.

Возможно, я не права, и у Глеба Витальевича жена очень даже рукастая, просто занята с выводком детей или поднимает пятый бизнес. Но почему-то сейчас я живо представляю, как Аня-Ангелок будет пилить ноготки у окошка, а Боря предлагает какой-нибудь «старой дуре» вроде меня должность помощницы по хозяйству, чтобы ненаглядная крошка не портила маникюр.

Марина растерянно моргает.

– погоди. Какая жена? Глеб Витальевич разведен. Вроде...

12. Воспитательный процесс

Борис

Приподнимаю плечо, принохиваюсь и тихо чертыхаюсь. Никакой парфюм не перебьет запах несвежей рубашки.

Раздраженно отбрасываю ручку, и она катится с противным дребезжанием.

Потрясающий эгоизм! Бросила полный бак стирки, оставила в коридоре бардак и сбежала к подруге играть в независимость.

Беру лежащую на краю стола с бумагами, прихваченную из дома, и раздражённо шиплю.

Вместо подшивки научных работ по макроэкономике, листаю аккуратно рассортированные по месяцам счета за коммунальные услуги. «Март, апрель, май...» Все подписано круглым почерком Светланы.

Чёрт!

Только о себе и думает! Ничего, вернется в стойло, объясню ей популярно, что не нужно засовывать эту никому не нужную дрянь в такую же папку, как и научные труды.

Нужно быстрее решать этот вопрос!

Схватив телефон, жму на контакт сына. Макс берет трубку не сразу. Опять где-то отвисает, лоботряс!

– Да, пап, – недовольно откликается.

– Здравствуй, Максим, – нервно кликаю ручкой, пытаюсь сразу не разораться от его неспешности. – Какие новости?

В трубке повисает тяжелая пауза. Морщусь и прикрываю глаза от лучей утреннего солнца, бьющих в окно.

– Никаких, она у тёти Марины и возвращаться не хочет, – нехотя выдавливают Макс, и добавляет. – Слушай, может, не надо так? Она же плачет там... Переживает.

Тяжело вздыхаю, изображая родительское разочарование.

– Максим, ты рассуждаешь как ребенок, а не как взрослый мужчина. Мама сейчас не в себе. У нее кризис, гормоны, истерика. Ее нужно вернуть в семью ради ее же блага, пока она не наделала глупостей. Ты обещал мне помочь.

– Но я не хочу с ней ругаться!

– А я не хочу краснеть перед деканом строительного факультета за то, что моего сына отчислили за неуспеваемость! – повышаю голос. – Брал бы пример с Тёмы. Твой брат сидит за чертежами и не создает проблем. А ты бестолочь. Я договорился, чтобы тебя восстановили, Максим. Пошел на поклон к людям. И за это прошу сущую малость: прочистить мозги собственной матери. Я считаю, что это – справедливая сделка.

Макс сопит в трубку. Знаю, что он злится, но деваться ему некуда. Он зависим от меня так же, как Света.

– Пап, но ты же сам... – заикается сын. – Сам виноват!

– «Сам» – скажешь, когда тебе исполнится сорок три! – жестко обрываю его. – Молод еще отца судить. Твоя задача – учиться и делать то, что говорю. Мать не должна чувствовать поддержки в своем бунте.

– Вроде не собирается она к тебе приползть, – мрачно роняет Макс.

Снисходительно усмехаюсь.

– Ну-ну. И что же она планирует? Дальше у Маринки тереться на коврике? Долго её эта стерва не вытерпит.

– Нет. Мама сказала, что работу нашла.

Замираю.

– Что она сделала?

– Работу, говорит, нашла, – повторяет Макс. – И к тебе не вернется. Ты её обидел, пап. Может, прощения попросишь?

Внутри вспыхивает злая ярость. Какую работу?! Света не работала никогда! Она ничего не умеет! Что она будет делать? Квитанции за коммуналку сортировать?

– Я тебя не спрашиваю, что мне делать, понял? Попросил, как сына, помочь восстановить семью, а ты...

Сбрасываю звонок не прощаясь. Швыряю телефон на стол.

Решила показать характер? Ну хорошо, Светочка. Посмотрим, насколько тебя хватит на вольных хлебах, когда заблокированы кредитки.

В дверь робко стучат.

– Войдите! – рявкаю.

Дверь приоткрывается, и в кабинет, словно испуганная птичка, проскальзывает Анечка.

Короткая юбка и обтягивающая водолазка. Смотрит испуганно, трепеща ресницами.

– Борис Трофимович... – нежно тянет она пухлыми губками, прикрывая за собой дверь.

– Можно?

Молчу. Сурово свожу брови и отворачиваюсь к окну. Пусть понимает без слов, что не права.

Подходит ближе, тонкие пальчики упираются в столешницу прямо рядом со мной.

– Прости, но я...

– Какого черта ты поперлась к моей жене?! – перебиваю. – Кто просил языком трепать про беременность?!

– Я... я просто хотела, чтобы ты был со мной! – всхлипывает. – Ты всё время с ней, а я одна! Мне просто обидно было...

Вся такая виноватая и незащищенная, что моё мужское эго от этого вида тает. Девчонка ведь. Такая же дурная, как и мои сыновья.

Ладно, не как Артём, но как Макс – точно!

– Я не давал тебе права к ней подходить!

Продолжаю стращать. Анечка вздрагивает. Нижняя губа предательски дрожит, в огромных глазах набухают слезы.

Чувствую над ней полную власть и получаю искреннее удовольствие, отчитывая. Пахнет её сладким парфюмом с нотами цитруса и моим собственным, более резким, с амбровым шлейфом. Но, увы, смешанным с вонью несвежей рубашки.

Это Света, женщина взрослая и рациональная, должна была держать лицо, а не устраивать истерику с хлопаньем дверьми. А с Анечки какой спрос? Ей двадцать лет, ветер в голове и бабочки в животе.

Тяжело вздыхаю и тру переносицу.

– Глупая ты девочка, Аня, – произношу уже мягче. – Своими детскими выходками ты меня очень сильно подвела. Теперь приходится тратить время и нервы, чтобы вернуть всё под контроль.

Анечка, опрометчиво решив, что гроза проходит мимо, лезет в сумочку и достает зачетку. Аккуратно кладет ее на стол и придвигает ко мне наманикюренными пальчиками.

– Вот...

– Что «вот»? – грозно вскидываю бровь.

– Надеюсь, что вы мне экзамен автоматом поставите... – сбивается и испуганно переходит на «вы».

– Твоя группа вчера сдала.

– Знаю, – блеет она. – Просто я очень волновалась после всего. И не могла... Поэтому – вот... – зачетка ползет еще ближе.

– Придешь на пересдачу со всеми, – локтемдвигаю книжицу обратно.

Ну уж нет, моя дорогая. Любовь любовью, но дисциплина должна быть. Каждый должен знать свое место и нести ответственность за свои поступки. Света – за глупый бунт. Макс – за заваленные экзамены. А Аня – за свой длинный язык.

Миловидное личико вытягивается.

– Но почему?! Боря...

– Потому что ты наказана. – Откидываюсь в кресле. – За то, что полезла не в свое дело. Сдашь макроэкономику через месяц. И спрашивать буду строго.

Анечка разочарованно надувает губки и делает шаг назад.

– Это нечестно... Я же всё выучила... почти.

– Вот на пересдаче и продемонстрируешь знания, – сухо отрезаю.

Стоит посреди кабинета, нервно теребя край короткой юбки. Затем вдруг поднимает на меня взгляд. В них мелькает лукавый, чисто женский огонек, от которого внутри сладко екает.

– А может... – делает маленький шажок обратно, голос становится бархатным, тягучим. – Может, примете у меня зачет в отдельной комнате? Индивидуально? Я бы всё-всё рассказала...

Невольно расплываюсь в довольной улыбке. Ах ты ж маленькая дрянь. Знает, чем взять.

Окидываю взглядом ее ладную фигурку.

– Может, и приму, – протягиваю, чувствуя, как по венам разливается приятное тепло. – Посмотрим на твое поведение. Но обещать не могу. Иди, готовься, студентка.

Анечка радостно вспыхивает, посылает воздушный поцелуй и выпархивает из кабинета, оставив после себя ароматный шлейф.

13. Швабра правосудия

Стоя перед дверью из массива дуба, выдыхаю и нервно поправляю волосы.

Выглядит дверь солидно. Как вход в Нарнию.

Звонок нажимать почему-то не решаюсь – кажется, его трезвон разнесется по всему подъезду с лепниной и мрамором. Аккуратно стучу костяшкой пальца.

Да, я пришла к этому ироду сама. Гордость – отличная штука, когда у тебя есть счет в банке. Но ею нельзя оплатить услуги нормального адвоката, и ее не намажешь на хлеб.

Хотя поначалу я высокомерно бросила Лисовскому, что «подумаю». Моего гонора хватило ровно на час.

За этот час я успела пообщаться с Максимом и четко поняла: БТР уже выехал на позицию и расстрелял мой материнский авторитет в упор. Борис виртуозно выставил меня неадекватной истеричкой, которая бросила семью, загуляла и теперь мотается по подругам.

Всю жизнь я посвятила мужу и детям. А теперь на моих глазах этот тщательно выстроенный мир катится в тартарары.

Так зачем мне гордость? Ниже, чем сейчас, я уже не упаду.

Поэтому я сама набрала номер Лисовского. И дрожащим голосом, в котором еще слышались отголоски недавней истерики, сказала, что готова.

За дверью тишина, и я решаюсь постучать еще раз. Слышатся легкие шаги. Машинально натягиваю на лицо вежливую улыбку.

Замок шелкает, створка распаивается, и моя улыбка медленно стекает с лица.

На пороге стоит девица. Лет двадцать, не больше. Огромная оверсайз-футболка слегка сползла с плеча и открывает ключицу, шорт не видно, возможно их и нет. В ушах – наушники-затычки. А ещё у юной феи идеально гладкая кожа, пухлые губы и бесконечно длинные ноги.

Меня накрывает душной волной триггера. Очередной Ангелок? Только без красной шапочки, зато в пушистых милых тапочках.

Так вот кто у нас «хозяйка, которая не справляется»? Конечно, куда ей справляться с пылесосом, когда ТикТок не досмотрен.

Интересно, где бывшая жена Глеба Витальевича? Тоже ходит по чужим домам, чтобы заработать копейку?

– Вы из клининга? – девица вынимает один наушник и окидывает меня скучающим, оценивающим взглядом.

Вспыхиваю.

– Помощница по хозяйству. От Глеба Витальевича, – стараюсь, чтобы в моем голосе звучало достоинство.

– А, да, проходите... Инвентарь в подсобке за кухней. Там же и пылесос. Ванную выдраите в первую очередь, у меня там пудра рассыпалась. И мои вещи не трогайте, терпеть не могу, когда их перекладывают.

Она разворачивается и, уткнувшись в экран телефона, шлепает тапочками вглубь квартиры.

Ах ты ж мелкая дрянь! «Выдраите», «не трогайте».

Стискиваю зубы так, что сводит челюсть.

Спокойно, Света. Тебе нужны деньги. И как бы тебе не хотелось засунуть ей пылесос в одно место и нажать турборежим, относись к ней как к пустому месту.

Прохожу через просторную прихожую, нахожу за кухней подсобку. Беру швабру, пластиковое ведро с химией и с мстительным удовольствием представляю, как окунаю туда лицо этой малолетней фифы.

В квартире шикарный ремонт, но вокруг действительно бардак: раскиданные вещи, грязные чашки на дорогих столешницах, крошки на диване.

Яростно тру пол в коридоре, вымещая на итальянском керамограните всю злость на Бориса, на Глеба Витальевича и на эту малолетнюю содержанку.

Все мужики одинаковые. Все любят молодое тело!

Как раз перехожу к уборке огромной кухни-гостиной, когда туда всплывает девица.

Она не отрывается от телефона. Идет прямо по свежевыванному влажному полу, оставляя на глянцевом камне мутные следы. Подходит к кофемашине, нажимает кнопку и громко, со смешком, говорит в трубку:

– Да ладно, пусть бесится. Я вчера с его карточки триста тысяч списала в ЦУМе. Поорет и успокоится... Да куда он денется? Я же знаю, как им управлять. Если хочет, чтобы я была рядом, пусть платит.

Меня словно бьет током. Спина деревенеет. Руки, сжимающие черенок швабры, начинают мелко дрожать.

Перед глазами всплывает Борис, который не погнушался заблокировать карты, чтобы я приползла к нему на коленях. И вот эта малолетка, которая открыто хвастается подружке, как доит немолодого мужика.

– Девушка, – жестко чеканю. – Я только что там помыла.

Она оборачивается и брезгливо кривит надутые губы.

– Вообще-то меня Полина зовут, – хмурит идеально гладкий лобик.

Ну вот, и имя у нее тоже блядское! У моего Бориса – Ангелок. А у мерзкого Глеба Витальевича – Полюшка? Где они только берут этих...

– Полина, я только что там помыла! – повторяю для особо одарённых.

– Ну так помойте еще раз, – небрежно бросает она, забирая чашку с кофе. – Вам вообще-то за это деньги платят. Чтобы за мной убирать.

Разворачивается, собираясь уйти, но меня уже не остановить.

Забрало падает. Вся обида, боль, унижение последних дней, вся ненависть к Ане-Ангелку и ей подобным выплескивается наружу бурлящим потоком.

Резко взмахиваю шваброй. Мокрая, тяжелая тряпка хлестко стегает девицу по голым икрам.

Полина взвизгивает, расплескивая горячий кофе из чашки, и резко разворачивается ко мне.

– Вы что, больная?!

– Послушай меня, девочка, – с грохотом бросаю швабру в ведро. Мыльная вода выплескивается на пол. – Мне платят за уборку дома, а не за то, чтобы терпеть твоё хамство.

Полина замирает, округляя глаза от возмущения и шока.

– Не поняла?! Да вы вообще знаете, кто я...

– Знаю! – рявкаю, делая к ней шаг. Меня всю трясет. – Прекрасно знаю, кто ты такая! Думаешь, схватила бога за бороду, потому что присосалась к кошельку состоятельного мужика? Думаешь, смазливая мордашка дает право вытирать ноги о других людей?

– Вы в своем уме?! Да я сейчас Глебу Витальевичу позвоню, вы отсюда вылетите! – визжит она, отступая.

– Звони! – ору в ответ, уперев руки в бока и двигаясь на нее. – Пусть послушает! Ты обычная молодая содержанка! Пиявка, которая только и умеет, что чужие кредитки опустошать да губы дуть! Но молодость – это товар, который быстро портится. Посмотрим, кому ты будешь нужна через десять лет, когда он найдет себе кого-то посвежее!

Полина открывает рот, хватая воздух, как выброшенная на берег рыба. Лицо покрывается красными пятнами.

– Да как вы смеете... – задыхается она.

В этот самый момент за моей спиной раздается тихий щелчок.

Входная дверь открывается.

– Что здесь происходит? – разносится по прихожей голос Глеба Витальевича.

Замираю, тяжело дыша. Ну вот и всё, Света. Твоя головокружительная карьера уборщицы закончилась, не успев начаться.

Ну ничего, зато на душе стало легче.

Полина всхлипывает, бросается мимо меня в коридор и с криком повисает на шее вошедшего Лисовского:

– Папа! Эта твоя сумасшедшая уборщица меня оскорбляет и бьет тряпкой!

Чтобы не упасть от неожиданности, мертвой хваткой вцепляюсь в спинку дивана. Папа?!

Я не поняла... У него дочь, что ли, есть?!

14. Трудности адаптации

Лучше бы это был папик. Господи, пусть Глеб Витальевич – всего лишь извращенец-переросток, который требует, чтобы юная любовница называла его «папой» в ролевых играх!

Но Лисовский не выглядит как извращенец. Он выглядит как уставший от выходок своего чада отец.

Глеб Витальевич тяжело вздыхает. Кладет свою большую ладонь на вздрагивающее от рыданий плечо девицы и как-то механически похлопывает.

– Успокойся, Полина. Иди в свою комнату, дочка, – произносит ровно.

Сомнений не остается. Я только что отходила мокрой шваброй по ногам дочь инвестора Маринкиной фирмы.

Бинго, Света. Ты пробила дно.

Полина возмущенно вскидывает заплаканное лицо.

– Ты что, не уволишь ее прямо сейчас?! Она меня ударила!

– Иди к себе, – с нажимом повторяет Лисовский.

Девица зло зыркает на меня, демонстративно шмыгает носом и, пытаясь топтать пушистыми тапочками, которые не топаются, удаляется по коридору. Хлопает дверь.

Лисовский медленно поворачивается ко мне. Окидывает взглядом мою воинственную позу, ведро с мыльной водой и лужу на керамограните.

– Пройдемте на кухню, Светлана.

Ставлю швабру в ведро. Иду за ним на негнушихся ногах, чувствуя себя приговоренной к расстрелу.

Лисовский садится за барную стойку, расстегивает пиджак и сцепляет пальцы в замок. Ждет.

– Глеб Витальевич... – начинаю я, нервно теребя край резиновой перчатки. – Это случайность. Я просто... я не знала.

– Что она моя дочь? – спокойно уточняет он.

– Да. Я думала...

– Я прекрасно слышал, что вы думали, – сухо перебивает он. – И про содержанку, и про то, что молодость быстро портится.

Опускаю глаза. Щеки горят от стыда. Какая же я дура. Спроецировала свою боль на чужого ребенка.

– Извините. Я руки вымою и пойду.

– А я вас не увольнял, – вдруг произносит он.

Удивленно вскидываю голову. Что?

Он смотрит на меня холодным, оценивающим взглядом.

– Сядьте, Светлана, – он кивает на высокий стул напротив. Я послушно сажусь на самый краешек. – Давайте начистоту. Вы думаете, я взял вас из-за ваших выдающихся навыков владения влажной салфеткой?

Я непонимающе моргаю.

– У вас нулевой опыт, вы эмоционально нестабильны и, как выяснилось, бросаетесь на людей с инвентарем. Профессиональные клининговые агентства предоставляют вышколенный персонал. Только вышколенный персонал жалуется на мои завышенные требования, на хамство дочери, требует уважения к своему труду и повышения ставки за моральный ущерб.

Он делает паузу, сверля меня серыми глазами.

– А вы не сбежите. Потому что вы в безвыходном положении. Именно такая мне и нужна.

Меня словно окатывает ледяной водой, но Лисовский продолжает вбивать гвозди в крышку гроба моего самоуважения.

– Вы – отчаявшаяся, потерянная, без денег и... Немолодая.

– Немолодая? – возмущенно шиплю.

Он высокомерно хмыкает, жестом останавливая мою робкую попытку возразить. Продолжает ледяным тоном.

– Вам некуда деваться, Светлана. Вы будете терпеть капризы Полины, будете драить полы и при этом обойдетесь мне дешевле агентства.

Какой козел. Какой прагматичный, расчетливый, циничный козел!

Мне сейчас жаль, что швабра и ведро остались в коридоре. Руки чешутся отхлестать и его!

– Конфликт с Полиной спишем на трудности адаптации. Дочери полезно столкнуться с реальностью, где не все сдувают с нее пылинки, – он пожимает плечами и, словно услышав мои кровожадные мысли, продолжает. – Но если вы еще повторите подобное, я вышвырну вас без выходного пособия. И Марину вашу уволю за компанию. Условия ясны?

Стою, молча раскрывая рот. Не зная, что предпринять. Послать его или смиренно согласиться?

Внутри всё кипит. Хочется развернуться и уйти. Но куда я пойду? К Борису, гладить его вонючие рубашки? Сколько еще будет длиться гостеприимство Марины?

В кармане раздаётся трель телефона, сбивая с мысли. Суматошно лезу рукой, все еще закованной в перчатку, и пытаюсь его выключить. Наугад жму какие-то кнопки.

Глеб Витальевич смотрит на мои манипуляции лениво, как обожравшийся кот.

– Света! Твоя гребаная псина жрет мой диван! – На всю кухню раздается громкий голос Марины, и я вздрагиваю от неожиданности.

Черт, я громкую связь что ли включила?

– Я пришла с работы уставшая, между прочим! Из меня там один долбоящер со своей командой все соки выпил! – продолжает орать Марина, пока я лихорадочно кашляю, пытаюсь заглушить ее причитания. – А дивана за триста тысяч нет, представляешь? То есть он есть, но не совсем такой, как я покупала. Фото лови, чтобы знать, за что я тебя убью...

Короткие гудки.

Облизываю вмиг пересохшие губы. Медленно поднимаю взгляд на Лисовского. Он смотрит на меня с издевательской ухмылочкой.

Телефон снова попискивает. Наверное, пришла обещанная фотография.

– Ну так что вы ответите долбоящеру? – постукивает пальцами по столешнице.

– Я согласна, Глеб Витальевич, – произношу ледяным тоном, которого сама от себя не ожидаю. – Но у меня есть встречное условие.

Лисовский иронично приподнимает бровь.

– Условие? У вас?

– Да. Я буду работать с собакой.

Глеб Витальевич в недоумении моргает и смотрит куда-то за мою спину. Поворачиваюсь, чтобы проследить за направлением его взгляда.

Там возвышается белоснежный дизайнерский диван, который царит в гостиной огромным айсбергом, слегка заваленным крошками и брендовыми шмотками.

Лисовский странно жуёт губами, явно прикидывая риски.

– Если я найду хоть одну шерстинку...

– Спасибо! – выпаливаю, не дав ему договорить.

15. Семейка Адамс

– Зачем ты её вообще притащил сюда?! – летит из-за приоткрытой двери истеричный возглас.

Рука с тряпкой на секунду замирает, а затем с удвоенной силой продолжает натирать зеркало. Не то чтобы я подслушивала – просто в этом огромном коридоре потрясающая акустика.

– Где ты только откопал эту мерзкую тётку?

«Мерзкая тетка»? Ах ты ж дрянь малолетняя!

Зло пшикаю на стекло, стирая мутные разводы. В отражении вижу женщину с растрепанным пучком, в растянутой футболке и резиновых перчатках.

– И собака эта дурацкая! – продолжает верещать дочь Лисовского. – Я не люблю собак!

Симба издает тяжелый, мученический вздох и кладет голову на вытянутые лапы. С сочувствием смотрю на мою девочку, привязанную к витой чугунной ножке банкетки. Симба явно приуныла. Мрамор Лисовского ей категорически не нравится. Она больше по дизайнерским диванам специализируется.

– Потерпи, – шепчу, снова брызгая стеклоочистителем. – Я тоже не в восторге от этой Семейки Адамс.

– Ты меня бы спросил, хочу я или нет, чтобы по моей квартире ходила посторонняя тетка!

Опять это «тетка»? Ну уж нет, с меня хватит.

Яростно стягиваю одну перчатку, уже готовая ворваться в милый разговор отца и дочери и сказать этой капризной мадаме пару ласковых...

– Занимайся тогда уборкой сама! – рявкает Лисовский, опережая мой порыв. – Или сама ищи персонал. Ты же у нас хозяйка!

Довольно ухмыляюсь и слегка отклоняюсь в сторону. Хочу увидеть, что происходит в комнате. Может, он её выпорот наконец? Давно пора!

В щели приоткрытой двери мелькает белоснежная рубашка Глеба Витальевича и его рука, невозмутимо поправляющая воротничок.

Разочарованно возвращаюсь в исходное положение и сосредоточенно выковыриваю пыль из завитков массивной рамы. Надо же, сколько грязи. И именно здесь!

– Я не могу! – стонет Полина, меняя гнев на плаксивость. – Ты знаешь, сколько нам задают?! У меня семинар завтра. А я даже на кухню не могу пройти воды попить. Там эта псина лежит.

Подавляю злорадное хмыканье и смотрю на лабрадора. Поймав мой взгляд, Симба гулко лупит хвостом.

Полины и правда не было видно весь день. Я наивно предполагала, что она боится меня. В конце концов, в руках у меня флакон с химией – мало ли на что способна «мерзкая тётка»...

Но, видимо, проблема в собаке. Симба восторженно пялилась на её пушистые тапочки каждый раз, когда девица пыталась высунуть нос из комнаты. Кто знает, что происходит в её собачьей голове? Может, она думает, что Полина зайцев на ноги натянула и их нужно срочно спасать.

– Пусть лежит, – тихо, будто отчеканивая каждое слово, произносит Лисовский. – Она спокойнее тебя. По крайней мере, не визжит. Привыкай, Полина. Эта женщина и её собака будут здесь работать, пока ты не научишься убирать за собой.

Браво, Глеб Витальевич! Я бы вам поаплодировала, но у меня тряпка в руках.

– Пап, ну пожалуйста! – девица переходит на откровенное нытьё. – Она же ненормальная! Ты видел, как она на меня со шваброй кинулась?! Уволь её!

– Я сказал – нет! Посмотри, какой у тебя бардак

Громкий звук, а затем испуганное взвизгивание. Похоже, Лисовский с силой открыл, а потом захлопнул ящик стола или дверцу шкафа в целях демонстрации.

– Светлана Николаевна обходится мне в три раза дешевле любого агентства. И в отличие от тех профессионалок, которые сбегали от тебя через неделю, ей некуда деваться. Она здесь намертво привязана. Как её собака. Так что терпи.

Неприятно слушать, но он прав. Я привязана. Была бы у меня нормальная крыша над головой – фиг бы я тут батрачила, выслушивая оскорбления от малолетней хамки. Но возвращаться мне некуда. И я не знаю, как долго Маринка сможет терпеть в своей идеальной квартире мои слезы и собаку, жующую её диваны.

В этот момент в кармане джинсов вибрирует телефон.

Стягиваю зубами вторую перчатку, достаю мобильный. Борис!

Сердце предательски ухает вниз. Сбросить? Послать?

Но я смотрю на своё растрепанное отражение в зеркале Лисовского, на привязанную Симбу... и нажимаю зеленую кнопку.

– Слушаю, – шепчу.

– Светлячок, милая... – меня чуть не выворачивает от этого тона. – Марина сказала, что ты на работе.

– Ты мне мешаешь, не отвлекай!

Мою самооценку приятно греет, что Борис переживает, разыскивает меня и наводит справки. Но очень надеюсь, что Марина не призналась, *где* работаю. И *кем*. Судя по заискивающему тону БТРа, он не в курсе, иначе беседа велась бы совершенно в другом ключе.

За дверью Полины раздаётся подозрительный грохот, высокие женские крики и бубнящий голос Глеба Витальевича. Прикрываю трубку рукой, чтобы муж не услышал.

– Думаю, нам пора прекратить эту детскую войну. Ты показала характер, я оценил. Давай поговорим как взрослые люди, – мягко стелет Борис.

– Нам не о чем говорить. Если только ты не звонишь сказать, что собрал вещи и переезжаешь к любовнице.

Он тяжело, многозначительно вздыхает.

– Светлячок, я уже говорил. Моя интрижка... это глупость, ошибка. Твоё место дома. Возвращайся.

– Я вернусь только в *свою* квартиру, Борис.

– Конечно, вернешься. Это твой дом, – легко соглашается он.

– И я не буду жить с тобой под одной крышей!

– Светочка, если захочешь, ты меня не увидишь. Условия твоего возвращения тебя полностью устроят. Я всё продумал, – сообщает с уверенностью человека, решившего сложную математическую задачу. – Приезжай сегодня. Мы всё обсудим.

Внутри меня будто тугая пружина разжимается. Господи... Он согласится съехать? У меня хотя бы дом будет! И тогда уже подыщу работу поприличнее. Видеть эту семейку не могу.

Навела им порядок, и хватит.

– Хорошо. Я скоро заканчиваю.

Борис вздыхает с облегчением.

– Если хочешь, я заеду за тобой, скажи куда...

– Нет!

Дверь в комнату Полины распаивается, и я быстро сбрасываю звонок, едва успев сунуть телефон в карман. Оттуда показывается Лисовский в сбившемся галстуке и расстёгнутой на верхние пуговицы рубашке. За его спиной возникает заплаканная Полина.

Девушка делает шаг вперед. Симба лениво встает, смотрит на её пушистые тапочки и плотоядно облизывается.

– Вот, ты видишь! – снова взвизгивает Полина и пулей исчезает в недрах своей комнаты. Но я успеваю разглядеть через распахнутую дверь горы барахла, разбросанные на кровати.

Кажется, сегодня кого-то ждет генеральная уборка. К счастью, не меня! Полина ведь сама сказала, что к её вещам нельзя прикасаться.

Глеб Витальевич резко тормозит передо мной. Окидывает тяжелым взглядом меня, сверкающее зеркало и Симбу, которая приветственно машет хвостом.

– Надеюсь, остальная часть квартиры блестит так же, как это зеркало? – цедит он сквозь зубы.

– Можете проверить, – я подхватываю ведро. – Я свою работу на сегодня закончила.

– Вот как? – Лисовский переводит взгляд с ведра на меня. – Вы куда-то торопитесь?

– Представьте себе.

Я подхожу к банкетке, отвязываю Симбу. Собака радостно повизгивает.

– И куда же вы направляетесь? – Лисовский не двигается с места. – К подруге на обгрызенный диван?

Я замираю, вцепившись в поводок.

– Это не ваше дело, Глеб Витальевич, – чеканю я, глядя ему прямо в глаза. – И знаете что? Завтра вам придется искать новую домработницу. Не злобную тетку.

Я выразительно смотрю на приоткрытую дверь спальни.

– Я увольняюсь. Вы ошибаетесь, Глеб Витальевич, я ни к чему не привязана. И уж точно не к вам!

В прихожей повисает звенящая тишина.

Губы Лисовского трогает недобрая усмешка.

– Увольняетесь, значит? – тихо спрашивает он. – Что ж. Ваше право. Только боюсь, Светлана Николаевна, что завтра утром вы будете стоять под этой дверью и умолять меня пустить вас.

– Обойдетесь! – цежу и добавляю. – Оплату за этот день лучше наличными. У меня карты заблокированы. Пока еще...

16. Условия проживания

Дверь моя. Но незнакомый металл вместо матовой скважины заставляет инстинктивно напрячься.

Чуть не забыла. Дверь моя, но не совсем моя... Замки-то чужие.

Я отлично понимаю, что нельзя доверять Борису. Но и не надо бегать от него.

Выслушать предложение «которое меня устроит» я уж точно не против!

Затаив дыхание, касаюсь холодной ручки и мягко нажимаю. Щелчок – и створка поддается. Не заперто.

Толкаю тяжелую дверь и переступаю порог квартиры.

Меня тут же обволакивает привычным запахом кофе, ванили и полироли для мебели. Так умиротворяюще пахнет только макушка младенца, свежескошенная трава и собственный дом.

Симба, радостно цокая когтями по паркету, тут же устремляется на кухню – проверять свои миски.

Медленно закрываю за собой дверь и опускаюсь на пуфик. Вытягиваю ноги и поглаживаю тумбочку для всяких мелочей. Вот я и дома!

И тумбочка-то прежняя... Моя!

Господи, как я соскучилась. И как хочу здесь остаться.

Симба громко, с укором дышит над пустой поилкой. Иду на кухню вслед за собакой.

– Сейчас, девочка, сейчас, – бормочу, подходя к раковине.

И замираю.

Раковина завалена грязной посудой. Сковородка с присохшими остатками яичницы, кружки с кофейной гущей, тарелки. На столешнице крошки и небрежно брошенная пластиковая упаковка от доставки.

Руки рефлекторно дергаются к губке и средству для мытья посуды. Как можно было так всё засрать за пару дней?!

Стоп, Света.

От греха подальше прячу ладони в карманы.

Еще неизвестно, чем закончится наш разговор. Может, через час я снова буду стоять на улице с собакой в охапку. Пусть эту сковородку отмывает Ангелок. Или сам Борис.

Наливаю воду в собачью миску из фильтра-кувшина.

– Светлячок? – раздается за спиной знакомый, бархатный голос. – Прости, не слышал, как ты пришла. Заработался.

Врет и не краснеет. Невозможно не услышать грохот когтей Симбы в тихой квартире. Просто надеялся, что я пока посудой займусь. Фиг тебе!

– Здравствуй, Борис, – цежу, вытирая руки бумажным полотенцем.

– Я рад, что ты пришла. – Он делает шаг навстречу, словно собирается обнять.

Демонстративно отступаю в сторону, и Борис едва заметно морщится, но быстро возвращает на лицо благостное выражение.

– Я заказал твои любимые роллы, – кивает на пакет из ресторана, стоящий на заваленном столе. – Присаживайся. Поужинаем, поговорим.

– Я не голодна, – отрезаю.

Борис садится за стол, невозмутимо открывая пластиковые контейнеры. Кухня тут же наполняется сладковатым ароматом риса, угря и соевого соуса. У меня сводит желудок от голода, но я не сдвигаюсь с места.

– Я понимаю, Светочка. Ты обижена. Это нормально, – он мягко улыбается, вскрывая палочки. – Но нам нужно обсудить условия твоего проживания.

Это «проживание» звучит как скрежет пенопласта по стеклу, заставляя нахмуриться.

Сажусь напротив, но демонстративно отодвигаю от себя контейнер. Я сейчас понимаю, почему когда-то с врагами не садились за один стол. И отравить могут!

Нет, я не верю, что Борис заказал роллы с мышьяком, но мало ли. Да и мирно ужинать с ним в свете всех событий как-то... Аморально что ли.

– Условия простые, – чеканю заранее заготовленную речь. – Ты собираешь вещи и съезжаешь. Можешь к своей малолетке, можешь в гостиницу. Я остаюсь в этой квартире и буду выплачивать тебе долю... Не сразу, но постепенно. Согласись, всё-таки ты мне изменил, поэтому я имею право на бонусы при разделе.

Борис аккуратно макает ролл в соус. Отправляет в рот, тщательно жует. Смотрю на его методичнодвигающиеся челюсти и чувствую, как внутри закипает месиво из ненависти, раздражения и отвращения.

– Света, зачем эти крайности? – произносит он, эстетично промокнув губы салфеткой. – Тем более сейчас.

– Что значит «сейчас»?

– Артём сдал досрочно два экзамена и выехал, – спокойно роняет Борис. – Через час он будет дома.

У меня внутри всё обрывается.

– Тёма?! – выдыхаю, чувствуя, как холодеют пальцы. – Он едет? Почему ты мне не сказал?!

– А зачем? – Борис пожимает плечами и тянется за новым роллом. – Ты мать, ты всегда должна быть готова к приезду сына.

Господи, опять это «должна». Какие штампы! Как я столько лет жила рядом и не замечала, какой он занудный и твердолобый? Меня же сейчас просто порвет от раздражения.

Ролл плюхается с высоты в пиалу с соусом, не доехав до распахнутого рта Бориса. Темные брызги летят во все стороны.

БТР обиженно откладывает палочки в сторону, оттягивает белую полу рубахи и смотрит на коричневые пятна соуса.

Злорадно ухмыляюсь. Есть всё-таки справедливость в этом мире. Хоть японская еда за меня отомстит.

– Что, колобок в рот не попал? – ехидно замечаю.

Он бросает на меня быстрый взгляд. А в воздухе ощутимо повисает: «Ну, ты же отстираешь?»

Откидываюсь на стуле. Ну-ну, заикнись только про стирку рубашки! Палочки для суши в руках обиженной женщины могут превратиться в грозное оружие.

– Так что там я должна, как мать? – напоминаю ему тему разговора.

– Я... Я просто решил избавить тебя от лишних волнений, – БТР тянется к бумажным салфеткам и брезгливо промокает мелкие коричневые пятна. – Едет Тёма, и едет. Ничего такого...

– Ты тоже наплел ему про мой гормональный сбой и истерики?

– Нет, с чего ты взяла, – отводит глаза. – Сказал, что мы поссорились. Но...

– Но?

– Но... Помирились.

– Что?! – округляю глаза. Вот я так и знала, что какую-то дрянь он всё равно отчебучит!

– И как ты себе это представляешь? – голос срывается на фальцет. – Я должна делать вид, что всё отлично? Что ты не спал с девчонкой, которая годится твоим сыновьям в сестры?!

Борис морщится, как от зубной боли.

– Света, всё в порядке. Тёма парень впечатлительный, он ударно трудился весь год. Давай не будем портить ему каникулы. Он сейчас начнет копать, делать выводы, разочаровываться... Побереги сына.

– С ума сошел?!

– Что такого? Поссорились, помирились, – он безмятежно пожимает плечами. – Пока Тёма дома – не поднимаем историю нашей ссоры. Ты, как хозяйка этого дома, делаешь, что хочешь...

– А когда он уедет? Опять замки сменишь?

– А когда он уедет обратно на учебу... всё останется как прежде. Я буду ночевать здесь в будни, а на выходные уезжать в «командировки». И ты тоже можешь заниматься своей личной жизнью. Знаешь, сейчас есть такое понятие – открытый брак. Свободные отношения. Это современно и всех устраивает. У нас остается статус, положение, имущество не надо делить. Дети спокойны... Личная жизнь, опять же, бурлит...

Борис постепенно притухает к концу своей путанной речи, потому что я медленно, очень медленно поднимаюсь со своего места.

– Как это называется?

– Открытый брак... – сглатывает он. – Ну или консенсуальная немоногамия.

– То есть я, – показываю на себя пальцем, – должна, как и раньше, тебя обстирывать, обхаживать. Улыбаться на кафедральных ужинах. А ты у нас весь такой... – взмахиваю рукой, – Бурлящий! Боря, у нас внуки скоро будут! А ты мерзкие глупости говоришь.

– Ну, ты слишком утрируешь...

Я машинально хватаю палочки со стола. Жаль, что это не самурайский клинок. Борис подхватывает свой стул и торопливо отсаживается на полметра дальше.

– Света, я не понимаю, что тебя не устраивает? – лепечет он.

– Меня не устраивает, что я двадцать лет прожила с полным мудаком! – рявкаю я, ломая тонкую деревянную палочку пополам. – И нужно было немного собачьего дерьма и наглости от девочки в красной шапочке, чтобы я поняла, с кем живу! Мне стыдно за себя, Боря!

– Не надо так, Светочка, это просто предложение... Мы можем его обсудить, найти компромисс... – он примирительно машет руками.

Открываю рот, чтобы сказать ему, куда он может засунуть свой компромисс, но в прихожей раздается пронзительная трель звонка.

Борис тут же меняется в лице, натягивая дежурную, радостную улыбку.

– А вот и Тёма приехал! – бодро возвещает он, вставая из-за стола. – Продолжим потом, хорошо, дорогая? Мы же не будем выяснять отношения при сыне, правда?

17. Заложник

Симба газует в коридор золотистым, не знающим тормозов бочонком.

Стрекот когтей, глухой стук и возмущенное кряхтение. Кажется, моя старушка второпях привычно не вписалась в поворот.

Но мне сейчас не до помощи собаке. Есть дела поважнее. Меня саму пытаются загнать в угол, как нашкодившую дворнягу!

Внутри всё вспыхивает от слепящей ярости. Кровь бьет в виски горячими толчками.

– Приезд Тёмы ничего не меняет, – воинственно приподнимаюсь на носочках, вскидывая подбородок. Я почти шиплю, глядя прямо в холеное лицо мужа, не собираясь отступать. – Пусть сын знает, что происходит. Мне за себя не стыдно, Боря! А тебе?

Жду, что он сейчас начнет оправдываться, злиться, кричать.

Но муж лишь опускает тяжелую ладонь на мое плечо, будто предостерегая неразумную женщину от фатальной ошибки, и произносит с многообещающим видом:

– Ты же не хочешь, чтобы Артём листовки у метро раздавал, правда? Я могу это устроить.

Застываю, как истукан, хватая ртом воздух. Борис серьезно сейчас? Наверное, пошутил? Не будет же родной отец шантажировать меня благополучием нашего общего сына? Или собственные отглаженные рубашки и статус «примерного семьянина» ему важнее родной крови?

Он замечает мое опешившее лицо, и по губам змеится легкая усмешка.

– Ты же меня поняла? Умная девочка...

Ладонью небрежно треплет меня по предплечью и, ничего больше не добавляя, размашистым шагом выходит в коридор.

А я остаюсь стоять, пригвожденная к полу. Плечо горит от его прикосновения, будто там остался кислотный ожог.

И единственное, на что меня сейчас хватает – брезгливо, дрожащими пальцами смахнуть с рукава его микробы.

Лязганье замков и восторженный вой Симбы возвращают в реальность. Заставляю себя сделать несколько шагов вперед.

Какая ирония судьбы... Всю жизнь я оберегала детей от малейших царапин, бегала за ними с зеленкой и стелила соломку везде, где они могли упасть. А теперь сама стала миной замедленного действия. Не знаю, как собрать из острых осколков свою разбитую жизнь, чтобы не искромсать сына в кровь при встрече.

– А вот и наш студент! – возвещает Борис хорошо поставленным голосом. – Как сессия? Рассказывай. Трифон Сергеевич всё такой же зануда?

Меня прошибает холодным потом. Да плевать БТРу на какого-то Трифона Сергеевича и его занудство. Это же намек.

«Я знаю кое-кого в его деканате, Света. Только пикни».

– Пап, давай не сейчас... – доносится глухой, уставший голос сына.

С трудом переставляя деревянные ноги, выхожу в прихожую.

Тёма стоит на пороге. На одном плече криво висит тяжелый рюкзак, под глазами залегли глубокие тени, светлые волосы спутаны. Он зажат между широкими объятиями отца и Симбой, которая от избытка чувств пытается вылизать ему лицо, наконец-то заставляя его искренне засмеяться.

– Привет, лошадь ты моя слюнявая, пусти, ну!

Он выпутывается из собачьей осады и поднимает на меня взгляд.

– Мам!

Вцепляюсь в него, утыкаясь носом в холодную, пропахшую поездом и вокзальным фаст-фудом ткань толстовки, и крепко жмурюсь.

Что мне делать?

– Мы с мамой тебя заждались, – елейным баритоном поет Борис, по-хозяйски похлопывая Тёму по спине. – Повздорили тут немного, пока тебя не было, но всё уже уладили. Верно, Светлячок?

Смотрит на меня многозначительным взглядом. В нем – и оплачиваемая им съемная квартира Тёмы, и его бюджетное место, и те самые пресловутые листовки у метро.

– Да, – надтреснуто выталкиваю я через колючий ком в горле, натягивая на лицо фальшивую улыбку. – Всё хорошо, Тёмочка. Мой руки, давай. Папа суши заказал.

БТР довольно потирает руки.

– Обожаю, когда все в семье без споров принимают предложенное мной меню, – многозначительно хмыкает он, не сводя с меня глаз. – Давай, сынок, споласкивай руки и за стол.

Тёма с облегчением сбрасывает рюкзак на пуфик и скрывается в ванной.

Шум льющейся воды дает мне ровно минуту. Минуту на то, чтобы связать разодранные в клочья нервы.

Глубоко дышу, пока растерянность не вытесняется ледяной злостью.

Ты решил шантажировать меня, Боря? Сделать из нашего ребенка заложника своего «открытого брака»?

БТР привык бездумно переезжать чужие жизни своими гусеницами, уверенный, что ради благополучия сына я покорно сама лягу под колеса.

Но терять мне нечего.

Хорошо, Боря. Ты заказал меню на этот вечер. Но я отлично готовлю десерты!

18. Все чего-то бояться

Борис

– Ты же на все каникулы?

Откидываюсь на стуле, при этом закидываю руку на спинку Светинового. Игриво щекочу ее пальцем между лопаток.

Она дергается и отсаживается на самый краешек.

Ничего! Зато не шипит и не возмущается. Если ей удобно сидеть, как на насесте – её дело.

У меня на пересдаче все студенты так сидят — на краешке стула, замершие и тихие, как мыши. Бояться!

И она пусть, может, и не боится, но опасается. А то разошлась вконец.

Все чего-то бояться. Студенты, например, отчисления. Мальчики боятся армии, девочки — что вместо теплого местечка в банке пойдут мыть посуду в общепите.

Неуверенность перед будущим, которое я вполне могу им испортить, — их главный страх.

Забота о потомстве — базовый инстинкт самки, у Светы он гипертрофирован. Почти двадцать лет нянчилась и стирала. И это я позволял ей это делать!

Позволял не работать, и позволял кататься, как сыр в масле. Можно сказать, облагородил её. А теперь, когда дети выросли и её забота им больше не нужна, почему-то со мной она эту роль играть не хочет.

По сути, какая ей разница?

Также будет убирать, готовить и заботиться обо мне. В свободное время — спа, маникюры и массаж, или что она там хочет. Я не ограничиваю ее свободу. И считаю, что она мою не должна ограничивать. Все честно!

Кошусь на пятна от соуса на манжете. Ещё час назад они портили мне настроение, а сейчас – так, пустячок. Рубашками снова есть кому заняться. Скоро всё встанет на свои места...

Артёма я, разумеется, не собирался отправлять клеить объявления – это было бы расточительством, столько сил и денег инвестировано в этого мальчика. Я что, сам себе злой буратино?

Но все чего-то бояться! Света боится за детей.

– Что-то у вас как-то...

Артём сметает ребром ладони крошки со стола, отвоёвывая себе чистый пяточок, и подчёркнуто протирает поверхность салфеткой.

– Мам, точно все в порядке?

– Конечно, Артём, – роняю мягко. Снова предпринимаю попытку дотянуться пальцем до спины Светы, но она так далеко сидит. Леню тянуться. – У нас теперь мама – деловая женщина. Немножко быт запущен, но ничего...

У Светы вытягивается лицо. По скулам ползёт пятнами румянец.

– Мам, серьёзно? – Тёма откладывает палочки, и в нём просыпается живой, неподдельный интерес. – Да это же круто. Поздравляю. А кем ты работаешь?

Света приоткрывает рот и опускает взгляд.

– Да так, неважно... – попискивает.

К еде она, кстати, так и не притронулась. Наверное, суши не любит. Я не помню. Она их ест или нет...

– А вот это, сын, уже детали, – великодушно решаю её спасти от унижительного признания, видно же, что смущается. Кем она может работать? Двадцать лет за моей широкой спиной – максимум в какой-нибудь архив, перебирать пыльные папки за три копейки. – Важно, что мама теперь самостоятельная. Дом, правда, малость одичал... Издержки эмансипации.

Света поворачивается ко мне, и почему-то мне хочется поёжиться от её горящего взгляда. Чем недовольна-то, я не пойму!

– Так как сессия? – ловко ухажу со скользкой темы, надевая обратно лицо мудрого главы рода.

– На четвёрку сдал. – Тёма жуёт с аппетитом. – Думал, утопят меня на балках, но обошлось. Mam, ты чего не ешь?

– Не хочу, сынок. Ешь. – Света так и держит спину, как будто шест проглотила.

Эта её каменная, упёртая немота начинает раздражать. Пора поставить точку. Чтобы усвоила правила раз и навсегда.

– Артём, ты молодец. – произношу размеренно. – Образование – это фундамент. Пока я на ногах, любой старт за мной. Я всё устрою. Главное, чтобы дома был надёжный тыл и чтобы разумные люди не делали на эмоциях того, что потом не отыграть. Верно, Света?

Она опять медленно поворачивает голову ко мне. Презрительно сощуривает глаза.

– Верно, Боря. – Голос у неё ровный и бесстрастный. – Главное – не делать глупостей, за которые потом придется отвечать.

Тёма перестаёт жевать.

– Mam, пап... у вас точно всё нормально? – Он хмурится, переводя взгляд с меня на неё.

– Всё отлично. – Улыбаюсь сыну успокаивающе, хотя начинаю закипать. – Просто мама ищет себя. Экспериментирует. Я не препятствую. Лишь бы ей было где ночевать, пока ищет.

Делаю паузу, чтобы до неё дошло. Одно моё слово – и уйдет на улицу.

Но Света чуть склоняет голову набок, слегка приподнимает уголок губ.

– А я уже нашла себя, Боря, – произносит почти ласково. – Девушка одна подсказала. Хорошенькая. В красной шапочке. Думаю даже рассказик про нашу встречу написать. У вас на кафедре кто-нибудь в современной прозе разбирается?

Палочки замирают у меня над тарелкой.

– Можно и не коллег, – мечтательно тянет. – Декан. Или студенты – молодёжь сейчас до таких историй охочая.

Ролл идёт не в то горло, и я закашливаюсь. Кашляю натужно, до слез. И каждый раз, поднимая голову, встречаю её довольный взгляд. Артём от души лупит меня между лопаток; пожалуй, слишком от души.

На что она намекает?

Отдышавшись, верчу шеей, расстёгиваю верхнюю пуговицу. Воротник становится тесен.

– Ну так что с моим рассказом? – мило улыбается, протягивая мне стакан воды.

– Не думаю, что Артёму интересно твое творчество, – выдавливаю сипло, перехватываю у нее стакан и делаю щедрый глоток.

– Mam, ты правда писать взялась? – Сын смотрит на неё с восторгом первооткрывателя.

– Да так, – отмахивается. – Просто жизнь заставила...

Опять дергаю ворот рубашки. Черт, пуговицы уже расстегнул, а дышать нечем.

До меня начинает медленно доходить. Я не роллом подавился, а её наглостью.

– Так как считаешь, Боря? – добивает она. – Декан заинтересуется рукописью?

Поднимаюсь резко, не рассчитав силы. Стул с мерзким скрежетом дерёт паркет.

Дышу тяжело, с присвистом. Смотрю на свою жену и вижу: не блефует. В глазах нет страха, нет сомнения. У неё в кулаке чека от гранаты, и она выдернет её здесь, при сыне, наплевав на всё.

Она же прямо сейчас всё вывалит на Артёма. И еще декану позвонит...

Так нечестно же! Я её пугал, а она что, всерьез, что ли?

С трудом возвращаю лицу непроницаемость.

– Простите, у меня форс-мажор. – Зачем-то снова начинаю застегивать пуговицы рубашки до самого верха. Застегнув, туго вожу шеей.

– Какой форс-мажор, пап? – Артём привстает от неожиданности. – Ночью?

– Аспирант... Аспирант залил лабораторию.

– Залил чем? – Света смешливо вздергивает бровь. – Коньяком?

Вновь дергаюсь и расстегиваю пуговицы обратно.

Они с ума меня сведут.

– Трубу прорвало, мне звонили недавно. На бумаги все течет...

Артём недоумённо морщится.

– Пап, ты же не сантехник. Ночь скоро...

– Ответственность, сын, не сверяется с часами. – Одёргиваю пиджак. – Чему кое-кому в этой комнате ещё предстоит научиться. Ужинайте без меня.

Разворачиваюсь и иду в прихожую.

Спиной чувствую её взгляд.

Набрасываю плащ, беру с тумбы портфель. Меня потряхивает. Давление, наверное, подскочило!

Двадцать лет я кормил эту женщину, вытянул из общаги и нищеты, дал имя, дом, фамилию, – а она смеет торговать моей репутацией? Смеет шантажировать и втыкать мне нож в спину!

Захлопываю за собой дверь. Замок гулко бухает на всю площадку.

Потираю лоб ладонью. Здесь, без её пронзительного взгляда, я чувствую себя намного лучше. Нащупываю пульс и прислушиваюсь. Частит...

Она меня до инфаркта доведет!

Ну уж нет, я этого так не оставлю.

Что ж, Светочка. Хочешь быть деловой женщиной и сочинять сказки – сочиняй. Посмотрим, как бойко работает фантазия на пустой желудок.

Лифт ползёт целую вечность. Достаю телефон. Банковское приложение открывается быстро и послушно.

Два касания. Её карта и карта Артёма.

Готово.

Следом – контакт хозяина квартиры, которую я снимаю мальчику в Москве. Палец замирает над ним на секунду, не дольше. Артём поймёт. Артём всегда понимал, с какой стороны хлеб мажут маслом.

Двери лифта разъезжаются.

Да, у всех есть слабые места. У моей жены – инстинкт наседки. У меня – моя репутация.

Ты выиграла ужин, дорогая. Наслаждайся роллами. А завтра к обеду вспомнишь, чья рука держит бразды правления в этом доме, и приползёшь обратно.

Ты будешь голодной и благодарной.

19. Гордость и предубеждение

– Двадцать три года, Рит, я этому человеку стрелки на брюках выглаживала по линейке.

Телефон зажат между ухом и плечом, шея уже затекла.

– Ничего не слышно, что за шорохи у тебя?

Перестаю драить плитку и застываю. У меня уже отваливаются спина и руки.

– Двадцать три года, говорю, коту под хвост. И никакой благодарности. Я сегодня даже хлеб не смогла купить, он карту заблокировал.

– Вот сволочь холёная. – В трубке хруст и учащенное дыхание. Ритка, как всегда, жуёт на бегу. – Ну, Боря всегда у тебя такой был. Ты просто не замечала...

– Ну так как заметишь? Я же другого и не видела. – Пожимаю плечами и посматриваю в сторону микроволновки. Там вроде не так все запущено, громко шуршать не буду. – Была бесплатной прислужгой. Да и сейчас он меня на таких же условиях хочет оставить.

Брызгаю из пульверизатора на стекло микроволновки и круговыми движениями натираю его.

– ...В банке сказали, что нужно обратиться к держателю основного счёта. Только этот держатель мне вчера открытый брак навяливал и пообещал отправить сына листовки у метро раздавать.

– Но зато ты с жильем теперь.

– Ага, с жильем. – Дышу на микроволновку, чтобы оттереть пятнышко. – Боря просто дома не ночевал.

– А где он таскался?

– Не знаю даже.

Оставив в покое микроволновку, перехожу к кастрюле и, забывшись, начинаю ложкой отскребать что-то присохшее ко дну. Раздается мерзкий скрежет.

– Света, ты опять?

– Прости... – Бросаю ложку. – Ладно, потом отскребу. Тут грязи столько, я не знаю с чего начать. Боря совсем к быту не приспособлен, а я не могу в таком беспорядке жить.

– Замки смени – и отмывай. Зачем зря стараться? Вернется, снова засрет...

Застываю. Ну да. Он же так со мной поступил? А я чем хуже? Со злостью швыряю ложку в раковину. Нет. Так я не могу... К тому же Боря – не я, он и с полицией заявится.

– Нет, Ритуль. Не пойдёт. Да и денег нет у меня, даже на замок...

– У лысого твоего тебе хотя бы платили.

– Он Лисовский, и он с волосами. – Печально рассматриваю содержимое холодильника. Половинка лимона. Огурцы. Банка горчицы. И початая бутылка виски. Барин горе изволил заливать. – И я Лисовскому вчера в лицо сказала, что увольняюсь. И больше не приду.

– Угу. – продолжает жевать. – А он что?

– А он сказал, что я к нему приползу проситься обратно.

Рита с кем-то здоровается, обменивается парой фраз и снова возвращается к разговору.

– Ну так и приполжай...

Сажусь, снимаю со спинки стула испачканное бурыми пятнами полотенце и рассматриваю его на свет. Боря им ботинки, что ли, чистил?

– Светик, гордость в кастрюлю не положишь.

Дотягиваюсь до холодильника, снова открываю дверцу и заглядываю. Нет, стартовый продуктовый набор на месте. Мне не показалось. Куда он продукты все дел? Всё съел или показательно выкинул?

Да, точно. Гордостью сыт не будешь.

– ...Поэтому возвращайся к лысому.

– К Лисовскому

– К нему самому. Помыла полы, взяла деньги, ушла домой. Подкопи. Ты себя увереннее чувствовать будешь, если от Бори перестанешь зависеть.

Вздыхаю.

– И прекрати на него работать бесплатно.

– На Лисовского?

Рита вздыхает так, будто разговаривает с пациентом, который назло себе выплевывает таблетки.

– На мужика своего! Рабство отменили давно. Всё, бегу, у меня капельницы. – И чуть тише добавляет: – Ты женщина в трудной жизненной ситуации, тебе нечего стыдиться попроситься обратно. Если твой Лисовский нормальный мужик, то поймет.

Развешиваю грязное полотенце обратно на спинке стула.

Лисовский не мужчина. Он дракон огнедышащий! И еще у него есть мегера-дочь, которая пудру по ванной рассыпает.

Стою с телефоном в руке ещё секунд десять. Но когда у тебя в холодильнике лимон, горчица и виски, свою гордость приходится аккуратно свернуть и засунуть на нижнюю полку. Рядом с огурцом.

– Мам?

Вздрагиваю. Тёма стоит в дверях кухни – заспанный, светлые вихры дыбом, в той же толстовке, в которой был вчера. Сколько он слышал?

– Доброе утро. – Натягиваю улыбку, вытираю руки о фартук. – Будешь... – открываю рот и понимаю, что предложить-то нечего. – Чай будешь?

Он не отвечает. Подходит, молча отодвигает меня бедром от раковины – вымахал здоровый, в отца – берёт губку и встаёт к мойке.

– Тём, я сама...

– Сядь, мам.

– Да я...

– Сядь. – Не оборачиваясь закатывает рукава и начинает мыть.

Падаю обратно на стул. Симба тут же приваливается ко мне тёплым боком, кладёт морду на колени.

– Ты, кстати, молодец, – бросает сын через плечо. – Что работать пошла. Я серьёзно. Я всё думал – ну сколько можно вокруг отца на цыпочках ходить? А ты взяла и... Кем, кстати?

Открываю рот сказать правду. Что никакая я не молодец. Что свою работу променяла на истерику, потому что во мне гонор заиграл. А эту плитку – вот, бесплатно намываю с утра.

– Да так, – отмахиваюсь. – Помощницей. У одного... человека.

– Типа личный ассистент? – оживает Тёма.

– Вроде того.

– Круто, мам. Я тобой горжусь.

Глажу Симбу, вцепившись пальцами в жесткую шерсть на загривке, чтобы не расплакаться. Я ждала этих слов двадцать лет. Мечтала, как сын скажет их красивой, состоявшейся мне. А он говорит их сейчас. Когда вся моя карьера – чужой унитаз за деньги, да и ту я упустила.

Я не могу даже заплакать как следует – потому что он обернется, спросит, и придется врать дальше.

– Так. – Он закрывает кран, вытирает руки. – Я поехал, мне на вокзал к двенадцати.

– Куда? – вскидываюсь. – Ты же только приехал!

– Мам. Проект горит, я тебе говорил. Я и приехал-то... – он мнётся, – убедиться, что ты живая. Что батя тебя тут не съел.

Подходит, обнимает – большой, тёплый, – и я утыкаюсь ему в плечо, не отпуская чуть дольше, чем надо.

После ухода сына тишина в квартире снова становится оглушительной. Я еще некоторое время хожу кругами по кухне и думаю. Выбора у меня особо и нет.

А еще я боюсь возвращения Бориса. Он ведь вернется, я знаю. И я могу сколько угодно изображать забастовавшую мебель, но он найдет способ меня прогнать, пока я от него завишу.

Лисовский меня презирает. Лисовский высокомерный, злой и циничный. Но он мне платит, и он меня замечает. Там я не пустое место, как для Бориса, а противник, пусть и из обслуживающего персонала.

Достаю телефон из кармана. Нахожу номер в последних вызовах. Жму зеленую кнопку.

– Я слушаю, – голос звучит сухо, без вопросительной интонации. Он даже не удивлен.

– Это Светлана...

– Адрес помните? – перебивает он, и я будто наяву вижу эту сытую, ленивую усмешку, с которой он это произносит.

– Да.

– Через час чтобы на месте были. Пока я не передумал.

В трубке раздаются гудки.

Снимаю с крючка поводок и пристегиваю к ошейнику Симбы.

– Пошли. Нас ждет дракон. И он та еще скотина.

20. Пингвины и борщ

Глеб

Она опаздывает на четыре минуты.

Я стою в дверях и смотрю на часы. Не потому что четыре минуты – это катастрофа. А потому что опоздание, само по себе, истощающая характеристика.

Впрочем, другого я и не ожидал.

Наконец, звонок. Распахиваю дверь.

– Я же говорил... – произношу назидательно.

Жду, что эта ходячая проблема сейчас, опустив глаза, юркнет мне под руку, и пойдет греметь кастрюлями или швабрами.

Но она не торопится. Стоит на пороге, как вкопанная. И, разумеется, опять с собакой.

Собака, к слову, хорошая. Я вообще люблю лабрадоров, в детстве у меня был такой же – добрый, слюнтявый и неповоротливый пес. Похож на эту невоспитанную псину, которую Светлана таскает за собой как талисман.

Собака подвизгивает, натягивает поводок и тычется влажным, холодным носом мне в ладонь. Машинально чешу ее за ухом. Хорошая девочка. Когда не ездит в моем салоне.

– Я сказал «проходите».

– Вы сказали «Я же говорил»...

Не двигается с места и нервно наматывает поводок на пальцы.

Меня такие люди дико бесят. На работе я бы не вытерпел подобного сотрудника и пары минут. В коллективе такие хаотичные, принципиальные особы – это бомбы замедленного действия. Они ломают дисциплину, не соблюдают субординацию и не умеют работать по инструкции

Парадокс в том, что именно такие женщины, умеют создавать уют. Наверное, потому что уют по инструкции не создается.

Обычная прислуга просто вытирает пыль, Светлана - отвоевывают территорию у бардака. Она будет препираться со мной до хрипоты, но физически не вынесет пустых кастрюль или грязи.

И, хотя при взгляде на нее хочется ругаться матом, сдерживаюсь. Мне нужен человек, который наведет здесь порядок и сможет обуздать неумное эго Полины.

– Светлана, – вкладываю в ее имя максимум ледяной вежливости. – Не важно, что я сказал. Но обед сам себя не приготовит.

Она вздыхает так тяжело, будто ей сдавило ребра. Косится на меня и цедит сквозь зубы:

– Я женщина в сложных жизненных обстоятельствах. Иначе никогда не пришла к вам в лапы.

В лапы? Приподнимаю бровь.

– Да, вы были правы, – начинает частить она. – Я погорячилась, когда увольнялась. Но всё равно не хочу, чтобы вы стояли тут и попрекали меня этим с видом... С видом самодовольного надутго пингвина

Кровь отливает от лица и тут же приливает обратно, обжигая скулы и лоб. Это было неожиданно.

– И мне нужен аванс, – добивает она, вздернув подбородок.

– Что-о?

– Деньги вперед!

Боже, избавь эту женщину от мучительной смерти, а меня от тюрьмы!

Смотрю на нее сверху вниз и просто не знаю, что сказать. Видимо совсем сдал Глеб Витальевич Лисовский, перед которым трепещут советы директоров. Которого бояться и ненавидят собственные подчиненные.

Обозвать меня надутым пингином и сразу же потребовать аванс? И остаться в живых после этого?

К тому же я еще не начал попрекать. Хотя собирался, конечно. Но еще даже не приступил.

– Как вы меня называли? – обманчиво тихим голосом переспрашиваю.

Светлана вдруг моргает и хмурится, глядя на мою застывшую физиономию. Наверное, Понимает, что ляпнула лишнее, и медленно, очень медленно, бочком проскальзывает мимо меня в коридор.

– Аванс можно и вечером, – бормочет себе под нос, исчезая в направлении кухни. За ней, радостно цокая когтями, семенит лабрадор.

Я остаюсь стоять в дверях. Наверное, с минуту просто смотрю в пустоту. Ни одна женщина за всю мою жизнь не смела называть меня пингином. «Жестоким козлом» – да. «Бессердечным сухарем» – сколько угодно. Но вот так...

Вдох и выдох...

Закрываю дверь и иду за ней на кухню. Достаю из кармана конверт с наличными, кладу на столешницу.

Она замирает, не успев завязать кухонный передник на талии.

– Что это?

– Ваш аванс. Половина оклада.

Она так и стоит, замерев, никак не может завязать тесемки.

– Это не потому что вы попросили, – зачем-то уточняю. – у Марины навел справки.

Она смотрит на меня, уголок рта слегка подрагивает. Наконец, так и держа руки за спиной, делает что-то вроде забавного реверанса.

Чтобы она не заметила рвущийся из меня смешок, молча разворачиваюсь и иду в свой кабинет.

На пороге останавливаюсь и бросаю через плечо:

– И, Светлана. Завтра ровно в девять. Четыре минуты я вам прощаю в первый и последний раз.

– Так точно! – весело отвечает.

Захожу в кабинет. Сажусь за стол и открываю квартальный отчет на ноутбуке.

Читаю первую строку отчета.

Где-то на кухне гремят тарелки. Раздается ее негромкий голос: «Как ты думаешь, Симба, пингины любят борщ».

Ухмыляюсь.

Я читаю первую строку во второй раз. Потом в третий. Буквы почему-то категорически отказываются складываться в слова.

21. Укрощение строптивой

Шинкую капусту с такой скоростью, будто от этого зависит моя жизнь. Впрочем, так и есть.

Конверт с авансом приятно греет задний карман джинсов, и я его периодически проверяю ладонью. Мои собственные заработанные деньги.

И за оплату того, что я и так делала каждый день, бесплатно причем, я готова сварить этому надутому пингвину, хоть цистерну борща. Пусть лопают. Ему полезно, добрее станет!

Готовить я люблю. Для меня это целое таинство, сродни алхимии. Из обычных ингредиентов создать что-то необыкновенное, способное хоть на краткий миг погрузить в нирвану, подарить удовольствие и радость.

Шарканье подошв по плитке раздаётся как раз в тот момент, когда я выключаю плиту.

Оборачиваюсь. На пороге моего священного царства, пропахшего ароматами лаврового листа, перца и бульона, стоит Полина с миной скучающей императрицы. Губы надуты, руки скрещены на груди.

Голод не тетка, да? Вышла все-таки, хотя с самого утра демонстративно скрывалась в своей комнате.

– Опять здесь что-ли?

– И тебе добрый день, – невозмутимо отзываюсь я. – Руки помыла? Садись.

Она фыркает так громко, что Симба, дремлющая под столом, приоткрывает один глаз.

– Я тут не для того, чтобы с прислугой за одним столом сидеть. Я за соком пришла.

Она демонстративно топает к огромному холодильнику. Открывает дверцу и зависает, сканируя полки. Сока там нет – я выкинула пустую коробку еще полчаса назад.

Раздраженно хлопает дверцей.

– Где сок?

– Закончился, – спокойно говорю я. Достаю из шкафчика глубокую тарелку. – Зато есть нормальная еда.

– Я это не ем, – Полина вздергивает подбородок, но её взгляд предательски заливает на тарелке. – Я БЖУ считаю.

Понятия не имею, что она там считает, но наливаю густой наваристый борщ в тарелку и со тяжелым цоканьем ставлю ее на стол.

– А я не спрашивала, что ты ешь. Садись и ешь. Тощая, как велосипед.

Девчонка задыхается от такой наглости. Только я двоих тех-еще-мальчиков воспитала, и броню из хамства и отрицания пробиваю на раз-два.

– Садись, пока горячее. Иначе вылью, а до ужина еще четыре часа.

Демонстративно протягиваю руку к тарелке, и долгую секунду мы сверлим друг друга взглядами, как дуэлянты. Полина шурит серые глаза, точь-в-точь, как отца.

Наконец, резко разворачивается, светлые волосы красиво взметаются облаком.

– Ну и пожалуйста! Не очень-то и хотелось...

Руки сами сжимаются в кулаки. Мне дико хочется шлепнуть эту зажавшуюся девицу по щуплой заднице. Не сильно, но так, чтобы она поняла.

И в этот момент желудок Полины выдает её истинные желания громким урчанием. Она стоит ко мне спиной, но я вижу, как опускаются воинственно вздернутые плечи.

Фиаско, да?

Выбора у нее нет. Понты понтами, а физиологию не обманешь. Она нехотя поворачивается.

– Ладно. Чуть-чуть...

Всем своим видом показывая одолжение, забирается на высокий стул.

Первые пару минут на кухне слышен только стук ложки. Ест она молча и жадно, как голодный детдомовец. Хотя явно пытается сдерживаться.

Беру влажную губку и методично протираю плиту, делая вид, что не смотрю на нее.

Ожидать «спасибо» мне видимо не стоит, гонор не позволит. Но суд по аппетиту, со своей работой я справляюсь неплохо.

– Твой отец часто дома работает? – спрашиваю будничным тоном.

Полина замирает с ложкой у рта. Подозрительно шурится.

– Тебе-то какое дело?

– Не тебе, а вам, – подхожу к духовке и, приоткрыв дверцу заглядываю внутрь. Там у меня паровые котлетки. Ну не совсем паровые, потому что пароварки я не нашла, но вполне себе духовые.

К запаху борща добавляется аромат мяса, и Полина, вытягивает шею и пытается заглянуть через мое плечо.

– Вам-то какое дело? – поправляется.

– Расписание планирую, – захлопываю дверцу обратно. – Если он работает дома, пылесосить нужно в другое время.

Судя по опустевшей тарелке, борщ Полину вполне устраивает. Моя логика тоже. Она пожимает плечами и цвиркает ложкой по дну, вылавливая остатки.

– Не всегда. Только когда его все бесят.

– И часто бесят?

– Постоянно, – она пренебрежительно машет рукой. Видимо, ненависть ко мне временно отступила перед лицом голода. – Он говорит, что вокруг одни непроходимые тупицы, и что у него в офисе филиал детского сада для умственно отсталых.

– М, понятно...

Почему-то вспоминаю мою подругу Марину. Интересно, по мнению Глеба Витальевича, какую должность в этом детском саду занимает она?

– А второе будет? – отставляет тарелку.

Губы сами собой растягиваются в улыбке, и я отворачиваюсь, чтобы сполоснуть губку.

– Будет, но тарелку в посудомойку поставь. Умственно отсталых на этой кухне нет, сама справишься.

Полина шлепает к посудомойке, криво втыкает тарелку между штырями, и захлопывает машинку.

– Нормальный суп, – бросает она, не глядя на меня. – Но вы всё равно странная. И собака у вас воняет.

– Это запах мудрости и жизненного опыта, – парирую я. – На второе у меня котлеты и пюре.

Она, для вида задумавшись, кивает. И добавляет с деланой неохотой.

– Но сначала добавку.

Отворачиваюсь к кастрюле, пряча улыбку! У меня ощущение, будто мне сейчас вручили мишленовскую звезду.

22. Только не это!

Глеб Витальевич возникает на пороге, когда Полина, уничтожив две котлеты и пюре, опять скрывается в своей комнате.

Он без пиджака, галстук стянут, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Но, тем не менее выглядит так, будто только что в офисе устраивал головомойку подчиненным, а не дома отчеты читал.

Он смотрит вслед дочери, потом переводит взгляд на меня. Втягивает носом воздух.

– Чем здесь пахнет? – спрашивает тоном следователя, обнаружившего на месте преступления неучтенный труп.

– Едой, Глеб Витальевич, – невозмутимо отзываюсь, протирая столешницу. – Борщом и котлетами. Вы же сами сказали, что обед сам себя не приготовит. Выполнила ваше распоряжение.

Лисовский молча проходит на кухню. Останавливается у кухонного островка. Смотрит на плиту, где стоит гигантская кастрюля, потом на меня. В его лице читается сложная внутренняя борьба между желанием держать дистанцию и банальным физиологическим голодом.

Мужики везде одинаковые. Будь они хоть директорами вселенной.

– Налить? – сжалившись, спрашиваю я.

Не отвечает, но садится на высокий стул, с которого только что сбежала Полина.

– Чего стоишь?

Видимо, это «да».

Наливаю так же щедро – густоту, мясо, бульон. Кладу ложку сметаны, отрезаю ломоть хлеба и ставлю перед ним.

Берет ложку и с осторожностью пробует, будто боится что я его отравлю.

Неторопясь прокатывает борщ на языке, и тянется снова.

С облегчением выдыхаю, и поворачиваюсь к мойке, чтобы вымыть разделочную доску. Все, дело пошло!

На кухне повисает тишина, нарушаемая только звяканьем ложки. Ест он аккуратно, без жадности Полины, но я спиной чувствую: ему вкусно.

– Полина сказала, вы сегодня работаете из дома, потому что вас все бесят, – бросаю я, не оборачиваясь.

Звон ложки прекращается.

– Моя дочь слишком много болтает.

– Она сказала, у вас в офисе филиал детского сада для умственно отсталых.

– Она преуменьшает масштаб бедствия, – ровно отвечает Лисовский. – Там не филиал. Там головной офис.

Я не выдерживаю и тихо фыркаю, маскируя смешок кашлем.

Вытираю руки полотенцем и оборачиваюсь. Тарелка Лисовского наполовину пуста, он лениво скролит пальцем телефон.

Ужасно не люблю, когда едят с телефоном, но сдерживаю рвущееся наружу замечание. Не время пока... Но галочку на будущее себе ставлю.

– Почему вы не работали, Светлана? – вдруг спрашивает, не отвлекаясь от экрана.

Замираю опешив. Вот так вопросыки...

– Я двадцать три года была замужем, – чеканю я, глядя ему прямо в глаза. – Вела хозяйство. Вырастила двух сыновей.

– А что за семейные сложности, о которых упомянула ваша подруга?

На секунду теряю контроль, и пальцами цепляюсь за кромку столешницы.

– Ну...

– Муж мне изменяет, – на выдохе отвечаю я.

– Интересно почему? – не унимается Глеб Витальевич, в одной руке ложка, с другой телефон. – Ты могла ему предложить только борщ и головную боль по вечерам?

Сжимаю челюсти, скрипнув зубами. Облокачиваюсь о раковину спиной.

Ну, раз уж пошел об этом разговор, почему бы и не сказать правду.

– Я думаю, он всегда мне изменял. – Вздыхаю. – Для некоторых мужчин юное тело значит больше, чем борщ...

– Почему же для некоторых? – хмыкает прямо в тарелку. – Для всех!

А сам при этом ест так, что за ушами хрустит, не смотря на отвлекающий фактор в виде телефона.

От его наглости у меня перехватывает дух.

– Вот, значит, как? – Я шагаю к столу и дергаю тарелку на себя. – Отдайте!

– С чего это вдруг? Я еще не доел.

Глеб Витальевич оказывается очень ловким, и выпустив телефон из пальцев, намертво вцепляется пальцами в край фарфора.

– С того, что мой муж хоть и кобель, но ему хотя бы хватало совести стесняться этого, а не заявлять мне прямо в глаза!

– Я оплатил этот борщ...

– Вы мне моральное унижение не оплачивали!

Я в психе отпускаю тарелку. Красный бульон со сметаной ожидаемо выплескивается через край, щедро окатывая белоснежную рубашку Лисовского.

Он какое-то время сидит не шевелясь. Рассматривает жирное бордовое пятно на животе. Выглядит так, будто я ему печень проткнула.

– Спасибо, поел, – брезгливо стряхивает с брюк капусту и медленно встает.

Резким движением вытаскивает рубашку из-под ремня. Длинные пальцы поддевают верхнюю пуговицу. Потом вторую. Третью.

Моргаю. Он что, прямо тут раздеваться удумал? В расходящемся разрезе ткани показывается крепкая мужская грудь. Темная дорожка волос тропинкой сбегает вниз, к ремню.

Все ниже и ниже...

Ох ты ж... Я двадцать три года прожила с мягким номенклатурным пузцом Бориса и сейчас у меня случается тотальный визуальный шок.

Оказывается, мужские кубики пресса существуют в реальной жизни. Я их даже на пляже никогда не видела, думала, такое бывает только на карточке товара в интернет магазинах. И то их нейросети рисуют.

Во рту мгновенно пересыхает. Хочу отвернуться, честно хочу, но меня словно парализовало — стою и не могу даже моргнуть.

Ни капли лишнего жира. Только литой, жесткий рельеф мышц под смуглой кожей.

Мой взгляд в хаотичной панике, абсолютно против моей воли, скачет по шефу: широкие плечи, напряженные бицепсы, мощная шея... И всё это так возмутительно близко, прямо над столешницей, где я крошила капусту!

Кровь горячей волной приливает к щекам

Глеб стягивает испорченную рубашку с плеч. Его светло-серые глаза смотрят на меня в упор, тяжело и насмешливо.

– Постираешь!

Автоматически ловлю летящий мне в лицо снаряд и зажимаюсь от неожиданности.

Прижимаю к себе скомканную рубашку, еще теплую от его тела. От неё волнами поднимается терпкий, густой аромат, перебивающий кулинарное амбре. — дорогой парфюм с дре-

весными нотками, горьковатый мужской пот, что-то ещё, чему у меня нет названия, но от чего низ живота неприятно, нехорошо сжимается.

Распахиваю глаза и поднимаю пылающее лицо. Он смотрит на меня таким темным взглядом, что по позвоночнику бегут мурашки.

– Постираешь? – повторяет он тише.

Судорожно угукаю в белый комок и отворачиваюсь к раковине.

За спиной раздается резкий, металлический щелчок.

– Брюки тоже! – слышится лязг расстегиваемой пряжки ремня.

О нет, только не это!

23. Прислуга

Вжимаюсь бедрами в мойку, прижимая к себе скомканную рубашку, и втягиваю голову в плечи, ожидая, что сейчас мне в спину прилетят брюки с тяжелым ремнем.

Ничего не происходит, только какой-то шорох за спиной.

Открываю один глаз и медленно поворачиваюсь.

Стоит в одних брюках. Тёмно-серых, идеально сидящих на узких бёдрах.

Пряжка дорогого ремня расстегнута, но молния даже не сдвинулась с места. Лисовский тряпкой стирает следы капусты с пояса.

Давлю в себе желание подбежать и помочь. Хватит с меня шоу с влажными салфетками.

Болтающийся ремень мешает. И Глеб Витальевич зло дергает его, выдергивая из шлиц.

Из-под стола вдруг раздается глухое, предупреждающее урчание. Симба, которая до этого мирно спала, поднимает голову.

Выходит из под стола, шерсть на загривке встает дыбом. Она н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.